

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «НАВАЛЬНЫЙ против РОССИИ»

(Жалобы №№ 29580/12 и 4 другие жалобы — см. прилагаемый список)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

15 ноября 2018 года

Данное постановление является окончательным, но может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Навальный против России»,
Европейский Суд по правам человека (Большая Палата), заседая
Большой Палатой, в состав которой вошли:

Гвидо Раймонди, *Председатель*,
Ангелика Нуссбергер,
Линос-Александр Сицилианос,
Ганна Юдкивська,
Роберт Спано,
Леди Бьянку,
Андре Потоки,
Алеш Пейхал,
Фарис Вехабович
Дмитрий Дедов,
Армен Харутюнян,
Георгес Раварани,
Паулин Коскело,
Тим Айк,
Йолин Схёккинг,
Петер Пацолаи,
Ладо Чантурия, *судьи*,

а также Сорен Пребенсен, *Заместитель Секретаря Большой Палаты*,
проведя 24 января и 19 сентября 2018 года заседание за закрытыми
дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное во второй из
вышеназванных дней.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании пяти жалоб (№№ 29580/12, 36847/12, 11252/13, 12317/13 и 43746/14) против Российской Федерации, поступившим в Европейский Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Навального Алексея Анатольевича (далее — «заявитель») 14 мая 2012 года, 28 мая 2012 года, 30 ноября 2012 года, 14 января 2013 года и 6 июня 2014 года, соответственно.

2. Интересы заявителя в Суде представляли О. Михайлова, К. Терехов, А. Маралян и К. Москаленко, адвокаты, практикующие в Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее по тексту — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по

правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Заявитель жаловался, что в семи случаях его задержания на различных публичных мероприятиях было нарушено его право на свободу мирных собраний, а также его право на свободу. Он также утверждал, что его арест, содержание под стражей и административные обвинения, выдвинутые против него, преследовали цель подрыва его права на свободу собраний, по политическим причинам. Наконец, он утверждал, что административные разбирательства в национальных судах не соответствовали гарантиям справедливого судебного разбирательства.

4. 28 августа 2014 года данные жалобы были коммуницированы Властям. Каждая из сторон представила ответные письменные замечания на замечания другой стороны.

5. Данные жалобы были переданы на рассмотрение Третьей Секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Палата указанной Секции, в состав которой вошли Луис Лопес Гуэрра, Председатель, Хелена Йедерблом, Хелен Келлер, Дмитрий Дедов, Бранко Лубарда, Пере Пастор Виланова, Алина Полачкова, судьи, и Фатош Араджи, заместитель Секретаря Секции, вынесла постановление по делу 2 февраля 2017 года. Европейский Суд единогласно объединил эти жалобы и единогласно объявил жалобу приемлемой. Суд единогласно постановил, что имели место нарушения статьи 11 Конвенции в отношении всех семи эпизодов, на которые жалуется заявитель; пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с семью случаями задержания заявителя и двумя случаями его предварительного заключения под стражу; а также пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении шести эпизодов административного производства. Суд единогласно постановил, что по настоящему делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении административного производства, касающегося событий 5 марта 2012 года. Суд единогласно пришел к выводу об отсутствии необходимости рассматривать оставшуюся часть жалоб на нарушение статьи 6 Конвенции, жалобу на основании статьи 14 Конвенции или жалобу на основании статьи 18 в совокупности со статьей 11 Конвенции. Суд заключил, четырьмя голосами против трех, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалобы в соответствии со статьей 18 в совокупности со статьей 5 Конвенции. К постановлению прилагались частично особое мнение судей Лопеса Гуэрра, Келлер и Пастора Виланова, а также частично особое мнение судьи Келлер.

6. 26 апреля 2017 года Власти, а 2 мая 2017 года - заявитель, ходатайствовали о передаче дела в Большую Палату в соответствии со статьей 43 Конвенции и правилом 73 Регламента Суда. 29 мая 2017 года коллегия Большой Палаты удовлетворила эти ходатайства.

7. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями, предусмотренными пунктами 4 и 5 статьи 26 Конвенции, а также Правилом 24 Регламента Суда.

8. Заявитель и Власти представили свои письменные замечания.

9. 24 января 2018 года во Дворце прав человека в Страсбурге состоялось открытое слушание дела.

В заседании приняли участие:

(а) со стороны Властей

М. ГАЛЬПЕРИН, Уполномоченный Российской Федерации при
Европейском Суде,

Ю. БОРИСОВА,

П. СМЕРНОВ,

М. ЗИНОВЕВА,

Н. ЧЕСТНЫХ,

Р. ЛЕСНИКОВ,

В. ОЛЕЙНИК,

Д. ГАЗИЗОВ,

консультанты;

(б) со стороны заявителя

А. МАРАЛЯН,

О. МИХАЙЛОВА,

А. НАВАЛЬНЫЙ,

адвокаты

заявитель.

Суд заслушал обращения А.Маральян, О.Михайловой, А.Навального и М.Гальперина, а также их ответы на вопросы, заданные Судом.

ФАКТЫ

И. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявитель 1976 года рождения проживает в г. Москве.

11. Заявитель является политическим активистом, лидером оппозиции, борцом с коррупцией и популярным блогером. Пять жалоб касаются семи случаев его задержания на различных публичных мероприятиях.

12. Факты по этому делу, представленные сторонами, могут быть изложены следующим образом.

А. Задержание заявителя 5 марта 2012 года

13. 5 марта 2012 года заявитель принял участие в митинге на Пушкинской площади, г. Москве, который начался в 19:00. Митинг был посвящен протесту против сфальсифицированных президентских выборов в России и его проведение было разрешено муниципальными органами власти.

14. В конце митинга, в 9 вечера, депутат Государственной Думы П. выступил с речью, адресованной участникам митинга, предложив собравшимся остаться после митинга для неформального обсуждения, которое началось примерно в 21:30, и в котором приняло участие порядка 500 человек. По утверждению заявителя, он остался вместе с остальными на Пушкинской площади для встречи с депутатом; участники встречи вели себя мирно, не выходили за пределы пешеходной зоны площади и не препятствовали дорожному движению и проходу на площадь. По словам Властей, заявитель проводил несогласованное собрание без предварительного уведомления и скандировал политические лозунги.

15. В 22:45 прибыли сотрудники полиции, которые задержали заявителя, а также многих других участников митинга. Заявитель был доставлен в ОВД Тверского района.

16. В тот же вечер два сотрудника полиции составили протокол об административном правонарушении, в котором было указано, что в 22:45 заявитель был задержан «в фонтане» на Пушкинской площади, что он принимал участие в несогласованном публичном собрании и игнорировал распоряжения полиции разойтись. Заявителю было предъявлено обвинение в нарушении установленного порядка проведения публичных мероприятий, т. е. в совершении правонарушения, предусмотренного [REDACTED].2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях .6 марта 2012 года в 00:15 заявителя был освобожден.

17. 15 марта 2012 года мировой судья судебного участка № 369 Тверского района г. Москвы рассмотрел предъявленные заявителю обвинения в совершении административного правонарушения. Заявитель оспорил достоверность полицейских рапортов и свидетельские показания двух сотрудников полиции на том основании, что он был задержан другими сотрудниками полиции, однако его возражение было отклонено. На основании письменных и устных показаний двух сотрудников полиции мировой судья признал заявителя виновным в участии в несогласованном публичном собрании, проведенном без предварительного уведомления, и назначил ему на основании [REDACTED].2 КоАП РФ штраф в размере 1 000 рублей, который в то время был эквивалентен примерно 25 евро.

18. 10 апреля 2012 года Тверской районный суд г. Москвы рассмотрел апелляционную жалобу заявителя. Заявитель не присутствовал в судебном заседании; его интересы представлял адвокат. Суд допросил еще одного очевидца, журналиста, который показал, что перед задержанием заявитель стоял «в фонтане, держась за руки с другими» и скандируя политические лозунги. Он также показал, что сотрудники полиции, которые отвели заявителя в автозак, были теми же сотрудниками полиции, которые подписывали рапорты и которые присутствовали в суде первой инстанции. Суд изучил две видеозаписи, представленные заявителем. Суд установил, что депутат Государственной Думы действительно созвал митинг, но при этом пришел к выводу, что в момент задержания заявитель был не на встрече с депутатом, а участвовал в протестном собрании. Суд оставил решение от 15 марта 2012 года без изменения.

В. Два задержания заявителя 8 мая 2012 года

19. 8 мая 2012 года заявитель принял участие в «народных гуляниях» - неформальной встрече активистов в общественном месте для обсуждения текущих событий. На эту встречу пришло несколько десятков активистов, чтобы обсудить состоявшуюся накануне инаугурацию Президента России В.В. Путина. 8 мая 2012 года на некоторых улицах в центре г. Москвы было перекрыто движение транспорта и пешеходов в связи с президентской инаугурацией и празднованием Дня Победы.

20. В 4:30, как утверждает заявитель, или в 4:00, как утверждают Власти, заявитель шел по Лубянскому проезду в сопровождении порядка 170 человек. Группа остановилась на лестнице общественного здания, чтобы сделать групповую фотографию. Во время фотографирования заявитель был задержан сотрудниками ОМОНа. В 08:00 он был доставлен в отдел внутренних дел, где был составлен протокол об административном правонарушении. Заявителю было предъявлено обвинение в нарушении установленного порядка проведения публичных мероприятий, т. е. в совершении правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В тот же день в 10:50 заявителя отпустили.

21. В тот же день в 23:55, как утверждают Власти, или в 23:00, как утверждает заявитель, он шел по улице Большая Никитская в составе группы численностью около пятидесяти человек. По утверждению заявителя, они стояли на тротуаре, не имели транспарантов или звукоусиливающей аппаратуры и не создавали никаких неудобств. Их окружили сотрудники ОМОНа, и заявитель был задержан без какого-либо приказа или предупреждения.

22. В тот же день в 23:58 заявитель был доставлен в отдел внутренних дел, где был составлен протокол об административном правонарушении. Ему было предъявлено обвинение в нарушении установленного порядка проведения публичных мероприятий, что является правонарушением согласно пункту 2 части 2 статьи 20 Кодекса об административных правонарушениях. 9 мая 2012 года в 02:50 заявителя отпустили.

23. 30 мая 2012 года мировой судья судебного участка № 387 Басманного района рассмотрел предъявленные заявителю обвинения в совершении административного правонарушения на Лубянском проезде. Заявитель не присутствовал на процессе; его интересы представлял его адвокат, который оспаривал участие заявителя в несогласованном собрании и утверждал, что последний не выкрикивал никаких лозунгов. Он просил мирового судью принять в качестве доказательства видеозаписи и допросить конкретных очевидцев, но судья отказала в удовлетворении этих ходатайств. На основании письменных показаний двух сотрудников полиции мировой судья признала заявителя виновным в участии в митинге, проведенном до 07:00 в нарушении установленного порядка его проведения, и на основании части 2 статьи 20 КоАП РФ назначила ему административное наказание в виде штрафа в размере 1 000 рублей. Соответствующее постановление было вынесено в полном объеме 1 июня 2012 года. 6 июля 2012 года Басманный районный суд г. Москвы оставил его без изменений.

24. 1 июня 2012 года мировой судья судебного участка № 380 Пресненского района рассмотрел предъявленные заявителю обвинения в совершении административного правонарушения на улице Большая Никитская. Заявитель не присутствовал на процессе; его интересы представлял его адвокат, который оспаривал участие заявителя в несогласованном собрании и утверждал, что последний не выкрикивал никаких лозунгов. Мировой судья допросил сотрудника полиции, который задержал заявителя, и трех свидетелей. Сотрудник полиции показал, что он задержал заявителя, потому что последний шел в сопровождении большой группы людей, препятствуя дорожному движению и скандируя политические лозунги. Свидетели утверждали, что заявитель шел по улице вместе с группой людей в количестве пятидесяти-шестидесяти человек, и что сотрудники полиции преградили им путь и начали задерживать их без какого-либо предупреждения; они отрицали, что слышали какие-либо лозунги или усиленные звуки. Мировой судья отказал в принятии видеозаписей в качестве доказательств и отклонил показания свидетелей на том основании, что они могли являться сторонниками заявителя, а потому могли быть заинтересованы в исходе дела. Заявитель был признан виновным в участии в митинге, проведенном в нарушение

установленного порядка, и на основании части 2 статьи 20 КоАП РФ ему было назначено административное наказание в виде штрафа в размере 1 000 рублей. 25 июня 2012 года Пресненский районный суд г. Москвы оставил это постановление без изменения.

С. Задержание заявителя 9 мая 2012 года

25. 9 мая 2012 года в 5:00 заявитель прибыл на Кудринскую площадь в г. Москве, чтобы принять участие в неформальной встрече с депутатом Государственной Думы, а также в праздновании Дня Победы. Его сопровождали от 50 до 100 участников «народных гуляний», которые обсуждали текущие события. По словам заявителя, это собрание не являлось демонстрацией: на нем не было ни транспарантов, ни шума, никто не скандировал лозунгов и не выступал с речами.

26. В 6:00 к месту проведения встречи прибыли сотрудники ОМОНа, которые задержали заявителя без каких-либо предварительных приказов и предупреждений. Заявитель представил видеозапись своего задержания.

27. В 8:50 того же дня заявитель был доставлен в ОВД района Строгино. В 11:50 был проведен личный обыск заявителя, после чего был составлен протокол об административном правонарушении. По словам заявителя, перед тем, как доставить его к мировому судье, его более трех часов продержали в ОВД. Власти подтвердили, что заявитель содержался под стражей до суда, но не указали длительность такого содержания.

28. В тот же день в неустановленное время заявитель предстал перед мировым судьей судебного участка № 375 Пресненского района г. Москвы. Мировой судья отказал в удовлетворении ходатайств заявителя о вызове и допросе задержавших его сотрудников полиции и приобщении видеозаписей к материалам дела в качестве доказательств, но при этом удовлетворил его ходатайство о допросе трех свидетелей. Свидетели показали, что в соответствующее время проходила публичная встреча с депутатом Государственной Думы для обсуждения текущих политических событий; что никто не скандировал никаких лозунгов, не шумел и не препятствовал дорожному движению; и что перед задержанием заявителя сотрудники полиции не отдавали никаких приказов и предупреждений. На основании письменных показаний двух сотрудников полиции суд установил, что заявитель принял участие в несогласованном публичном митинге и не подчинился законному распоряжению полиции разойтись. Суд также установил, что заявитель скандировал лозунги «Россия без Путина!» и «Путин — вор!» и отказался уйти с площади, которая должна была быть освобождена для празднования

Дня Победы. Мировой судья отклонил показания трех свидетелей на том основании, что они по-разному оценили количество людей, присутствовавших на встрече, количество сотрудников полиции, задерживавших заявителя, и время его прибытия на митинг. Заявитель был признан виновным в неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции в нарушение части 3 статьи 19 КоАП РФ с назначением административного наказания в виде 15 суток административного ареста.

29. 10 мая 2012 года заявитель подал апелляционную жалобу.

30. 12 декабря 2012 года Пресненский районный суд г. Москвы рассмотрел данную жалобу. Заявитель ходатайствовал о перекрестном допросе сотрудников полиции, чьи рапорты и показания были положены в основу решения мирового судьи, а также свидетелей, и о допущении в качестве доказательства видеозаписи его задержания. Суд отказал в удовлетворении этих ходатайств и оставил постановление от 9 мая 2012 года без изменений.

3. Задержание заявителя 27 октября 2012 года

31. 27 октября 2012 года заявитель провел пикетирование на Лубянской площади, которая была частью серии пикетов, проведенных в г. Москве перед зданиями Федеральной службы безопасности и Следственного Комитета Российской Федерации в знак протеста против «репрессий и пыток». По словам заявителя, его демонстрация представляла собой одиночное пикетирование, которое не требовало предварительного уведомления компетентного государственного органа власти. В общей сложности в данном мероприятии последовательно приняли участие около 30 человек.

32. В 15:30 заявитель был задержан полицией на ул. Маросейка, 9, когда он шел по улице с группой людей. По словам заявителя, на момент задержания он закончил пикетирование и шел по улице по тротуару; он не скандировал лозунгов и не держал транспарантов, но за ним шло несколько людей, включая журналистов, число которых он оценил в «два десятка». По утверждению Властей, заявитель организовал несанкционированное шествие без предварительного уведомления. В 16:10 заявитель был доставлен в отдел внутренних дел. Ему было предъявлено обвинение в нарушении установленного порядка проведения публичных мероприятий, т. е. в совершении правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20 КоАП РФ. В тот же день в 19:17 заявитель был отпущен.

33. 30 октября 2012 года мировой судья судебного участка № 387 Басманного района рассмотрел предъявленные заявителю обвинения. Судья допросила трех свидетелей, вызванных по ходатайству заявителя, но при этом отказала в удовлетворении ходатайства

заявителя о вызове и допросе задержавших его сотрудников полиции. Ходатайство заявителя о приобщении видеозаписи соответствующих событий к материалам дела в качестве доказательства также было отклонено, равно как и ходатайство о приобщении к материалам дела письменного доклада неправительственной организации, которая вела наблюдение за пикетами. По ходатайству заявителя мировой судья допросила трех очевидцев, которые показали, что после окончания своего пикета заявитель шел по улице, разговаривая со своим соратником, в окружении журналистов; оставаясь на тротуаре, он не скандировал лозунги, не держал транспаранты; несколько других участников пикета остались стоять со своими плакатами на определенном расстоянии друг от друга; полиция задержала заявителя без какого бы то ни было предупреждения или объяснения. На основании письменных рапортов двух сотрудников полиции мировой судья установила, что заявитель организовал и возглавил группу из тридцати человек, которые устроили шествие без разрешения местных властей; что они прошли от Лубянской площади до следственного изолятора Лефортово, и что по адресу ул. Маросейка, д. 9, группа перегородила дорогу, препятствуя дорожному движению. Судья отклонила показания свидетелей в пользу заявителя на том основании, что они противоречили доказательствам в материалах дела, и признала заявителя виновным в участии в шествии, о котором власти не были уведомлены в надлежащем порядке. Она назначила ему штраф в размере 30 000 российских рублей (который в то время был эквивалентен приблизительно 740 евро) на основании части 2 статьи 20 Кодекса об административных правонарушениях.

34. 7 декабря 2012 года Басманный районный суд оставил постановление от 30 октября 2012 года без изменения.

Е. Два задержания заявителя 24 февраля 2014 года

35. 24 февраля 2014 года в 12:00 заявитель пришел к Замоскворецкому районному суду г. Москвы, чтобы посетить судебное заседание по делу активистов, обвиненных в участии в массовых беспорядках на Болотной площади в г. Москве 6 мая 2012 года. В этот день по результатам открытого слушания должен был быть вынесен приговор по делу. Здание суда было оцеплено полицией, и заявитель не мог попасть внутрь. Поэтому он оставался на улице среди других желающих принять участие в публичном слушании. По словам заявителя, он стоял там молча, но внезапно в толпу втиснулись сотрудники полиции, которые задержали его без какого-либо приказа, предупреждения или предлога. Согласно официальной версии, он проводил несогласованное собрание и выкрикивал политические лозунги.

36. В 12:50 того же дня заявитель был доставлен в отдел внутренних дел. Ему было предъявлено обвинение в нарушении установленного порядка проведения публичных мероприятий, т. е. в совершении правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20 КоАП РФ. Заявитель был освобожден в 15:00 в тот же день.

37. Позже в тот же день, примерно в 19:45, заявитель принял участие в публичном собрании по итогам оглашения приговора по массовым беспорядкам на Болотной площади, которым несколько активистов были приговорены к лишению свободы. Собрание в составе порядка 150 участников состоялось на Тверской улице. Заявитель был задержан в тот момент, когда он стоял на тротуаре, разговаривая с журналистом. По утверждению заявителя, он не получал никаких распоряжений и предупреждений и не оказывал сопротивление полиции. Согласно полицейскому рапорту, когда заявитель был посажен в полицейскую машину, он махал толпе, пытаясь привлечь внимание СМИ, тем самым демонстрируя отказ подчиниться распоряжению полиции и оказывая сопротивление сотрудникам полиции при исполнении ими своих обязанностей.

38. В 20:20 заявитель был доставлен в ОВД Тверского района, где был составлен протокол об административном правонарушении. Заявителю было предъявлено обвинение в неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции, т. е. в совершении правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 19 КоАП РФ. Он был заключен под стражу.

39. На следующий день, 25 февраля 2014 года, в неустановленное время заявитель предстал перед судьей Тверского районного суда, который рассмотрел предъявленные заявителю обвинения по части 3 статьи 19 КоАП РФ. Ходатайство заявителя о допросе двух свидетелей было удовлетворено. Они показали, что полиция не отдавала заявителю никаких распоряжений и предупреждений, прежде чем приступить к его задержанию. Суд принял и изучил видеозапись спорных обстоятельств и допросил двух сотрудников полиции, чьи рапорты были положены в основу обвинений. Суд установил, что заявитель принял участие в несогласованном митинге и не подчинился законному распоряжению полиции разойтись. Заявитель был признан виновным в неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции в нарушение части 3 статьи 19 КоАП РФ, и ему было назначено наказание в виде семи суток административного ареста.

40. 7 мая 2014 года Замоскворецкий районный суд рассмотрел обвинения, касающиеся предполагаемого участия заявителя 24 февраля 2014 года в неразрешенном публичном собрании напротив здания Замоскворецкого районного суда. Заявитель ходатайствовал о допросе двух свидетелей, присутствовавших у здания суда, и двух сотрудников полиции, чьи рапорты были положены в основу

обвинений. Его ходатайства были отклонены. Суд приобщил к материалам дела видеозапись спорных событий, но решил не учитывать ее содержание, поскольку запись не имела даты, и на ней не была воспроизведена вся последовательность событий. На основании письменных рапортов двух сотрудников полиции судья признал заявителя виновным в участии в митинге, о котором не был уведомлен компетентный орган власти в порядке, предусмотренном законом, и на основании статьи 20, ч.2, КоАП РФ назначил ему административное наказание в виде административного штрафа в размере 10 000 рублей (эквивалентном примерно 200 евро).

41. 24 марта 2014 года Московский городской суд оставил постановление от 25 февраля 2014 года без изменения.

42. 22 мая 2014 года Московский городской суд оставил постановление от 7 марта 2014 года без изменения.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

43. Краткое изложение соответствующего национального законодательства см. в постановлении Европейского Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» (*Kasparov and Others v. Russia*) (жалоба № 21613/07, пункт 35); в постановлении Европейского Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России» (*Navalnyy and Yashin v. Russia*) (жалоба № 76204/11, пункты 43-44); в постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Новикова и другие против России» (*Novikova and Others v. Russia*) (жалобы №№ 25501/07 и 4 другие жалобы, пункты 67-69); и в постановлении Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), (жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 216-312). Положения, имеющие непосредственное отношение к настоящему делу, изложены ниже.

44. Пункт 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации гласит:

«Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

45. В соответствии с Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» № ФЗ-54 от 19 июня 2004 года (далее - «Закон о публичных мероприятиях») в период, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривалось следующее:

Статья 2

Основные понятия

«...

(1) публичное мероприятие - открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, в том числе [событий], проводимых с использованием транспортных средств. Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни в стране, а также вопросам внешней политики. ...»

Статья 3.

Принципы проведения публичного мероприятия

Проведение публичного мероприятия основывается на следующих принципах:

(1) законность - соблюдение положений Конституции Российской Федерации, настоящего Федерального закона [и] иных законодательных актов Российской Федерации;

...»

Статья 5

Организатор публичного мероприятия

«...

4. Организатор публичного мероприятия обязан:

(1) подать в орган исполнительной власти ... уведомление о проведении публичного мероприятия в порядке, установленном статьей 7 настоящего Федерального закона.

Статья 7.

Уведомление о проведении публичного мероприятия

«Уведомление о проведении публичного мероприятия (за исключением собрания и пикетирования, проводимого одиночным участником) должно быть подано в письменной форме его организатором с органом исполнительной власти или органом местного самоуправления ... в срок не ранее пятнадцати дней и не позднее десяти дней до даты проведения публичного мероприятия ...»

Статья 16.

Основания прекращения публичного мероприятия

Основаниями прекращения публичного мероприятия являются:

(1) создание реальной угрозы для жизни и здоровья граждан, а также для имущества физических или юридических лиц;

(2) совершение участниками противоправных действий или умышленное нарушение организатором публичного мероприятия требований, касающихся порядка проведения публичных мероприятий, установленных настоящим Федеральным законом;

(3) *(после законодательных поправок от 8 июня 2012 года)* неисполнение организаторами обязанностей, изложенных в части 4 статьи 5 настоящего Федерального закона».

Статья 17.

Порядок прекращения публичного мероприятия

«1. В случае принятия решения о прекращении публичного мероприятия уполномоченный представитель органа исполнительной власти или органа местного самоуправления ...:

(1) дает указание организатору публичного мероприятия прекратить публичное мероприятие, обосновав причину его прекращения, и в течение двадцати четырех часов оформляет это указание в письменной форме с вручением его организатору публичного мероприятия;

(2) устанавливает время для выполнения указания о прекращении публичного мероприятия;

(3) в случае невыполнения организатором публичного мероприятия указания о его прекращении обращается непосредственно к участникам публичного мероприятия и устанавливает дополнительное время для выполнения указания о прекращении публичного мероприятия.

2. В случае невыполнения указания о прекращении публичного мероприятия сотрудники полиции принимают необходимые меры по прекращению публичного мероприятия...

3. Порядок прекращения публичного мероприятия, предусмотренный частью 1 настоящей статьи, не применяется в случае возникновения массовых беспорядков, погромов, поджогов или в других случаях, требующих экстренных действий.

4. Неисполнение законных требований сотрудников полиции или неповиновение им отдельных участников публичного мероприятия влечет за собой ответственность этих участников, предусмотренную законодательством».

Статья 18.

Обеспечение условий для проведения публичного мероприятия

«1. Организатор публичного мероприятия, должностные лица и другие граждане не вправе препятствовать участникам публичного мероприятия в выражении своих мнений способом, не нарушающим общественного порядка и регламента проведения публичного мероприятия».

46. До 8 июня 2012 года соответствующие положения Кодекса об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года гласили:

Статья 19, часть 3.

Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции...

«Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции... в связи с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток».

Статья 20, часть 2.**Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования**

«1. Нарушение установленного порядка организации публичных собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования влечет наложение административного штрафа в размере от десяти до двадцати размеров минимальной заработной платы, подлежащего уплате организаторами.

2. Нарушения установленного порядка проведения публичных собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования влечет наложение административного штрафа от 1 000 до 2 000 рублей — на организаторов, и от 500 рублей до 1 000 рублей — на участников».

Статья 27, часть 2**Доставление физических лиц в отделение полиции**

«1. Доставка, то есть принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным, осуществляется:

(1) должностными лицами органов внутренних дел (полиции)...

...

2. Доставка должна быть осуществлена в возможно короткий срок.

3. О доставлении составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании. Копия протокола о доставлении вручается доставленному лицу по его просьбе».

Статья 27, часть 3**Административное задержание**

«1. Административное задержание, то есть кратковременное ограничение свободы физического лица, может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

...

3. По просьбе задержанного лица о месте его нахождения в кратчайший срок уведомляются родственники, администрация по месту его работы (учебы), а также защитник.

...

5. Задержанному лицу разъясняются его права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, о чем делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании».

Статья 27, часть 4**Протокол об административном задержании**

«1. Об административном задержании составляется протокол...

2. ... Копия протокола об административном задержании вручается задержанному лицу по его просьбе

Статья 27, часть 5
Сроки административного задержания

«1. Срок административного задержания не должен превышать три часа, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 настоящей статьи.

2 . Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, посягающем на установленный режим Государственной границы Российской Федерации... может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов.

3. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов.

4. Срок административного задержания лица исчисляется с момента его доставления в соответствии со статьей 27, часть 2, настоящего Кодекса. Срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется с момента его вытрезвления».

47. 8 июня 2012 года в Кодекс об административных правонарушениях были внесены изменения (Закон № 65-ФЗ). В частности, были внесены следующие изменения:

- Нарушение организатором публичного мероприятия установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия влечет наложение штрафа на граждан в размере от 10 000 до 20 000 рублей или обязательные работы на срок до сорока часов (часть 2(1) статьи 20 КоАП).

- Организация либо проведение публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления о проведении публичного мероприятия влечет наложение штрафа на граждан в размере от 20 000 до 30 000 рублей, или обязательные работы на срок до пятидесяти часов (часть 2(2) статьи 20).

- Более серьезные наказания введены за вышеуказанные действия или бездействия, когда они влекут создание помех движению пешеходов или транспортных средств или причинение вреда здоровью человека или имуществу (часть 2(пункты 3 и 4) статьи 20 КоАП). В отдельные правонарушения выделены нарушения участником публичного мероприятия установленного порядка проведения (пункт 5) и нарушения, повлекшие причинение вреда здоровью человека или имуществу (пункт 6).

- в статью 4.5 УПК были внесены изменения, увеличивающие срок исковой давности по признакам преступления, предусмотренного частью 2 статьи 20, с двух месяцев до одного года.

48. 26 июня 2018 года на Пленарном заседании Верховного Суда Российской Федерации было принято Постановление «О некоторых

вопросах, возникающих в ходе судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях». В целях обеспечения согласованности судебной практики Верховный Суд представил судебным органам руководящие принципы по применению законодательства, прежде всего Закона о публичных мероприятиях и Кодекса об административных правонарушениях, при решении административных споров и применении административной ответственности, указав, в частности, следующее:

- что ненаправление уведомления о публичном мероприятии организатором публичного мероприятия должно быть классифицировано согласно пунктам 2-4 ч. 2 ст. 20 Кодекса, в то время как проведение публичного мероприятия, которое было отклонено органами власти, являлось правонарушением со стороны организатора в соответствии с пунктом (1) того же положения (пункты 28-29 Постановления Верховного Суда);

- что неисполнение участником публичного мероприятия законных приказов или указаний полиции должно быть классифицировано в соответствии с пунктом 5 части 2 статьи 20 Кодекса об административных правонарушениях, который в данных обстоятельствах считался *lex specialis* в отношении пункта 1 части 3 статьи 19 Кодекса (пункт 33 Постановления);

- что понятие несогласованного мероприятия включает события, проводимые без уведомления, а также события, в отношении которых компетентные органы отклонили уведомление;

- доставление в отделение полиции для целей составления протокола об административном правонарушении и (или) административного задержания в исключительных случаях может быть оправдано только в том случае, если иначе было невозможно установить совершенное преступление, установить личность нарушителя, правильно и своевременно рассмотреть дело об административном правонарушении или исполнить наказание в виде административного наказания; в частности, административное задержание может быть оправдано доказанным риском возобновления правонарушителем незаконных действий или уклонения от правосудия, ввиду отсутствия у него постоянного места жительства или необходимости совершения процессуальных действий или обеспечения доказательства (пункт 40 Постановления).

III. МАТЕРИАЛЫ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ

49. На дату принятия настоящего постановления, Комитет Министров Совета Европы продолжает надзор за исполнением

упоминавшегося выше постановления по делу *«Лашманкин и другие против России»*. Совсем недавно, на 1318-м заседании Комитета Министров по вопросам прав человека (июнь 2018 года, DH) было принято решение (CM/Del/Dec(2018)1318/H46-21), содержащее, в частности, следующее заявление в отношении мер общего характера:

«6. [Заместители Министров] также напомнили о готовности Совета Европы к работе, недавно выраженной Генеральным секретарем, в оказании помощи Российской Федерации в работе по совершенствованию законодательства в области свободы собраний;

7. отметили, что касается судебной практики, ряд позитивных изменений, в виде ряда решений Конституционного Суда и Верховного Суда, принятых за последние годы, в том числе обзор практики международных органов и практики Европейского Суда в отношении свободы собраний, подготовленный Верховным Судом, а также его постоянные усилия по принятию дополнительных рекомендаций для национальных судов по определенным вопросам, возникающим по делам об административных правонарушениях, а также делам об административных правонарушениях, касающихся применения законодательства, регулирующего процедуру организации и проведения общественных мероприятий, и поддержали эти изменения;

8. далее подчеркнули необходимость оперативного принятия дополнительных мер, в том числе в форме нормативных актов или обучающих и информационно-просветительских мер, с целью обеспечения того, чтобы практика соответствующих муниципальных органов и полиции, в том числе, в отношении применения силы, разгона публичных мероприятий и задержания участников, была приведена в соответствие с требованиями Конвенции, и уделили особое внимание потенциальному интересу касательно широкого распространения руководящих принципов, подготовленных Венецианской комиссией и ОБСЕ (документ CDL-AD(2014)046 - также доступен на русском языке)».

50. Меморандум Комиссара Совета Европы по правам человека «О свободе собраний в Российской Федерации» от 5 сентября 2017 года (доступен по ссылке <https://rm.coe.int/follow-up-memorandum-on-freedom-of-assembly-in-the-russian-federation-/16807517aa>), в соответствующей части гласит следующее:

Разгоны мирных собраний и задержания участников

«21. Несомненно, обеспечение безопасности участников публичных мероприятий и общественного порядка является правомерной задачей органов государственной власти, однако ее реализация ни в коем случае не должна приводить к нетерпимости в отношении публичных мероприятий, пусть даже несогласованных с властями, если они носят мирный характер. Поправки 2012 года к закону о митингах предоставили органам государственной власти широкий перечень оснований для разгона публичных мероприятий, в том числе по причине любых нарушений правил их организации и проведения, тогда как четкое определение таких нарушений отсутствует в законодательстве. Как говорилось выше в пункте 15, одно из замечаний Совета при президенте к поправкам 2012 года касалось отсутствия ясного определения, какие действия или бездействие могут повлечь за собой административную ответственность.

При этом более ранние разъяснения Конституционного Суда о том, что властями должны быть приведены веские доводы в обоснование того, что проведение публичного мероприятия невозможно в связи с необходимостью защиты публичных интересов, мало учитываются на практике. Ярким примером такой нетерпимости является силовой разгон и задержания сотен протестующих в феврале 2014 года, когда люди вышли на спонтанный (не согласованный с властями), но мирный митинг по поводу оглашения приговора по Болотному делу.

...

23. Поступают также сведения о растущей нетерпимости к несанкционированным публичным мирным мероприятиям с относительно небольшим количеством участников. Сюда относятся одиночные пикеты, которые формально не требуют согласования. В приведенных ниже примерах отчетливо прослеживается тенденция: 12 сентября 2016 года были задержаны и доставлены в отдел полиции шесть активистов, читавших вслух Конституцию РФ перед зданием Государственной Думы; в Беслане пять матерей жертв теракта, совершенного в сентябре 2004 года, были задержаны с применением силы и приговорены к обязательным работам за то, что они в 12-ю годовщину трагедии надели майки, надписи на которых содержали критику в адрес властей; 1 июля 2017 года в Москве были задержаны отдельно стоявшие одиночные пикетчики, в том числе несовершеннолетние, которые держали пустые листы бумаги и заклеили себе рты скотчем; а 7 июня 2017 года в Екатеринбурге были задержаны четыре защитника прав животных, осуществлявших пикетирование на расстоянии 50 метров друг от друга

24. Необходимость поддерживать общественный порядок нельзя толковать таким образом, чтобы право на свободу мирных собраний лишалось смысла. Согласно международным стандартам, если национальное законодательство предусматривает процедуру уведомления, то ее цель должна заключаться в том, чтобы дать возможность органам государственной власти способствовать реализации права на свободу собраний. Неуведомление органов власти о публичном собрании не делает его незаконным и потому не должно использоваться в качестве основания для разгона собрания. ...

25. В этом контексте Комиссар приветствует инициативу Совета по правам человека, собирающегося совместно с Национальной гвардией подготовить поправки к законодательству о публичных мероприятиях, и поддерживает заявления Уполномоченного по правам человека в РФ и Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге о необходимости укреплять право на свободу собраний и защиту от произвольного применения ограничительных мер».

IV. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

51. Соответствующая часть материалов подготовительных работ по статье 18 Конвенции (см. «Сборник «Подготовительных работ» к Европейской Конвенции о правах человека», Martinus Nijhoff, том. IV, 1977, с. 130, 179-181 и 955), гласит следующее:

«... целью международной коллективной гарантии должно являться обеспечение того, чтобы ни одно из государств фактически не нарушало гарантируемые свободы посредством принятия незначительных мер, изначально

как бы направленных на организацию реализации этих свобод на территории государства или соблюдение буквы закона, но имеющих противоположный эффект ... Ограничения свобод, иногда даже ограничение личной свободы, являются законными и необходимыми, чтобы позволить каждому гражданину мирно осуществлять его свободу, а также обеспечить сохранение морали, поддержание общего благосостояния, общего блага и общественных потребностей. Когда государство определяет, организует, регулирует и ограничивает свободы по таким причинам, в интересах и для лучшего страхования общего благополучия, оно только выполняет свои обязанности. Это допустимо; это законно.

Но когда власти вмешиваются, чтобы не допустить и ограничить эти свободы, в этом случае - в интересах государства: защититься в соответствии с политической тенденцией, которую оно представляет, от оппозиции, которую оно считает опасной; уничтожить основные свободы, за координацию и гарантию которых оно должно нести ответственность, то такое вмешательство противоречит общественному интерес. Тогда законы, которые оно принимает, противоречат принципу международной гарантии.

...

каждое государство, которое нарушает права человека и, прежде всего, права на свободу, всегда будет использовать оправдание: мораль, порядок, общественная безопасность и, прежде всего, демократические права

...

Поэтому совершенно ясно, что свободы, которые мы хотим гарантировать, черпают свое практическое содержание из демократии.

То же самое относится и к ограничениям, которые государство может на законных основаниях накладывать на определенные свободы посредством национального законодательства. Во всех странах мира осуществление свободы должно быть организовано. Следовательно, во всех странах мира необходимо определить и ограничить свободы. Предположим, что мы рассматриваем демократию. Наложение ограничения будет обоснованным только в том случае, если оно имеет своей целью общественный интерес и общее благо. Государство, при демократии, может ограничивать личную свободу в интересах свободы всех, чтобы обеспечить коллективное осуществление всех свобод, с целью общего интереса превосходящей свободы права, в общественных интересах нации. Ограничение, которое оно налагает, является законным именно по той причине, что цель такого ограничения направлена на то, чтобы ограничение свободы служило в интересах общества, в интересах свободы всех».

ПРАВО

И. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

52. Впервые в Большой Палате Власти выдвинули ряд предварительных возражений, частично - в отношении объема дела,

переданного в Большую Палату, и частично - в отношении приемлемости определенных жалоб.

А. Доводы сторон

53. Власти указали, что в двух из его первоначальных жалоб, составляющих настоящее дело, заявитель не ссылаясь на статью 5 и жаловался на его задержание и доставление в отделение полиции только со ссылкой на статью 11. По их мнению, пределы рассмотрения данного дела в Большой Палате должны быть ограничены соответствующим образом.

54. Власти также предложили Суду объявить все его жалобы по статье 5, а также все кроме одной из его жалоб по статье 11, неприемлемыми на основании исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, как того требует пункт 1 статьи 35. Они пояснили, что, несмотря на то, что ни одно отдельное средство правовой защиты не должно быть исчерпано в отношении задержания и доставления в отделение полиции, было необходимо оспорить эти меры в суде, рассматривавшем существо обвинений в совершении административных правонарушений. Заявитель, как предполагается, не сделал этого, за исключением одного дела, в котором он жаловался на предположительно необоснованную длительность его содержания под стражей в отделении полиции 24 февраля 2014 года. Также заявитель не жаловался в ходе внутригосударственных судебных разбирательств, что его право на свободу мирных собраний в соответствии со статьей 11 было нарушено в любом из эпизодов, а также в отношении некоторых исков, где он в явной форме отрицал участие в публичном мероприятии.

55. Что касается жалобы заявителя в соответствии со статьей 18, Власти утверждали, что только в двух из первоначальных формуляров жалобы содержалась ссылка на статью 18, а затем только в совокупности со статьей 5, а не статьей 11, в отношении двух эпизодов (а именно, первого эпизода 5 марта 2012 и четвертого эпизода 9 мая 2012 года). Они предложили, чтобы Суд ограничился соответствующим рассмотрением.

56. В качестве альтернативы, Власти предложили Суду объявить жалобу по статье 18 неприемлемой в связи с нарушением сроков. В частности, если Большая Палата решит проводить рассмотрение дела не на основании первоначального описания жалоб (содержащихся в жалобах №№ 29580/12 и 36847/12 от 14 и 18 мая 2012 года, касающихся событий 5 марта и 9 мая 2012 года, соответственно), а на основании доводов, впоследствии представленных заявителем в своих замечаниях к делу от 14 сентября 2017 года, соответствующие части

его жалоб по статье 18 должны быть «отклонены за несоблюдение правила шести месяцев [как изложено] ниже в пункте 1 статьи 35».

57. Заявитель утверждал в своих устных объяснениях, что было разумно полагаться на квалификацию и объем дела, как таковые определены Палатой, в том смысле, что жалобы по статье 18 были, по существу, подняты во всех пяти жалобах. Он не прокомментировал предложение Властей об ограничении объема его рассмотрения в отношении жалобы по статье 5.

В. ██████████

58. Суд напоминает, что в соответствии с установившейся практикой, «дело», передаваемое в производство Большой Палаты, неизбежно охватывает все аспекты жалобы, ранее рассмотренные Палатой в ее постановлении, в связи с отсутствием оснований для лишь частичной передачи дела. Под «делом», переданным в производство Большой Палаты, подразумевается жалоба, объявленная Судом приемлемой (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпана и Мазаре против Румынии» (*Cumprănă and Mazăre v. Romania*), жалоба № 33348/96, пункт 66, ECHR 2004-XI; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (*K. and T. v. Finland*), жалоба № 25702/94, пункты 140-41, ECHR 2001-VII; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перна против Италии» (*Perna v. Italy*), жалоба № 48898/99, пункты 23-24, ECHR 2003-V; *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 18 января 1978 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), Серия А № 25, пункт 157, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Азинас против Кипра» (*Azinas v. Cyprus*), жалоба № 56679/00, пункт 32, ECHR 2004-III).

59. Тем не менее, это не означает, что Большая Палата не может также рассматривать, в соответствующих случаях, вопросы, связанные с приемлемостью жалобы таким же образом, как это возможно в ходе разбирательства в Палате, например, в силу пункта 4 статьи 35 *in fine* Конвенции, или если такие вопросы были присоединены к существу дела или если они имеют иное значение на стадии рассмотрения дела по существу (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (*K. and T. v. Finland*), пункт 141, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блечич против Хорватии» (*Blečić v. Croatia*), жалоба № 59532/00, пункт 65, ECHR 2006-III). Таким образом, даже на стадии рассмотрения дела по существу Большая Палата может пересмотреть решение о признании жалобы приемлемой, если она приходит к выводу о том, что она должна была быть признана неприемлемой по одной из причин,

приведенных в первых трех пунктах статьи 35 Конвенции (там же; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Радомилья и другие против Хорватии*» (*Radomilja and Others v. Croatia*), жалобы №№ 37685/10 и 22768/12, § 102, ECHR 2018).

60. Суд отмечает, что в настоящем деле не только предварительные возражения Властей относительно приемлемости определенных жалоб, но также и те, которые касаются дела, переданного на рассмотрение в Большую Палату, поднимают вопросы приемлемости, а именно, вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты и соблюдении правила о шестимесячном сроке. Суд напоминает, что, согласно правилу 55 Регламента Суда, заявление о неприемлемости должно быть указано, насколько это позволяют характер возражения и обстоятельства, в письменных или устных объяснениях по вопросу приемлемости жалобы, представленных государством-ответчиком (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Свинаренко и Сляднев против России*» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*), жалобы №№ 32541/08 и 43441/08, пункт 79, ECHR 2014 (выдержки) и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Бузаджи против Республики Молдова*» (*Buzadji v. the Republic of Moldova*), жалоба № 23755/07, пункты 64 и 67, ECHR 2016 (выдержки)). В своих замечаниях от 12 января 2015 года, представленных Палате, рассматривающей данную жалобу по существу в соответствии со статьей 5, Власти указали, между делом, что «следует также отметить, что заявитель, по-видимому, [не] оспорил использование конкретных мер *per se* в ходе разбирательств на национальном уровне. Суть его жалоб ... [заключалась] в отрицании факта совершения вменяемых ему преступлений». Тем не менее, Власти не представили никакого заявления о неприемлемости на основании неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты в этом отношении. Также они не оспаривали тот факт, что заявитель исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении своих жалоб по статье 11.

61. Суд не усматривает в настоящем деле никаких исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить Власти от их обязательства в соответствии с Правилom 55 представить предварительные возражения до вынесения Палатой решения о приемлемости. Следовательно, Власти лишены права представить такие возражения на данном этапе разбирательства (см. постановление Европейского Суда от 29 ноября 1991 года по делу «*"Пайн Вэлли Девелопментс Лтд" и другие против Ирландии*» (*Pine Valley Developments Ltd and Others v. Ireland*), пункт 45, Series A №. 222).

62. Тем не менее, поскольку возражения Властей относились к сфере жалоб, поданных в соответствии с Конвенцией, а именно, касательно того, что они не охватывали некоторые части жалоб,

которые были поданы в Большую Палату, в результате их принятия был сделан вывод о том, что правило шести месяцев не было соблюдено в отношении тех частей жалоб (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *«Радомилья и другие против Хорватии»*, пункт 139). В отличие от возражения Властей касательно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, этот вопрос относится к юрисдикции Суда и ничто не мешает Суду рассмотреть его по своей собственной инициативе (см. упоминавшееся выше постановление по делу *«Блечич против Хорватии»*, пункты 66-68; упоминавшееся выше постановление по делу *«Бузаджи против Республики Молдова»*, пункт 70; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Фабиан против Венгрии» (Fábián v. Hungary)*, жалоба № 78117/13, пункт 90, ECHR 2017 (выдержки)).

63. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что в ходе разбирательства в Палате Европейского Суда усматривается, что, по мнению Палаты, фактологические элементы соответствующих жалоб были представлены во всех первоначальных жалобах. Суд отмечает, что все пять жалоб, составляющих настоящее дело, были коммуницированы Властям 28 августа 2014 года, и включали вопросы по статьям 5 и 11, а также по статье 18, взятой в совокупности с вышеуказанными положениями, в отношении каждого из семи эпизодов. Власти ответили на вопросы по существу заявленных нарушений, не представив никаких комментариев в отношении предмета дела, хотя они были полностью осведомлены об этом (см., для сравнения, упоминавшееся выше постановление по делу *«Радомилья и другие против Хорватии»*, пункт 105). Впоследствии Палата решила объединить данные жалобы, «принимая во внимание общую фактологическую и правовую базу» (см. пункт 39 постановления Палаты), и признала приемлемыми жалобы по статьям 5 и 11, а также жалобы по статье 18 в совокупности со статьями 5 и 11, соответственно, в отношении всех семи эпизодов.

64. Кроме того, как следует из аргументации Палаты по существу, обжалуемые задержание и доставление в отделение полиции являлись случаями лишения свободы, которые должны рассматриваться в соответствии со статьей 5 Конвенции, а также представляли собой один из эпизодов предполагаемого вмешательства по статье 11. Таким образом, жалоба заявителя на предположительно произвольные задержания была признана частью фактологической основы его жалоб по статье 11, представленной во всех пяти жалобах по всем семи эпизодам (как отражено в пунктах 50 и 51 постановления Палаты). Можно также отметить, что Палата охарактеризовала жалобу на нарушение статьи 18 в совокупности со статьей 5 и статьей 11, соответственно, в качестве единой жалобы (см. пункты 8 и 9

резолютивной части постановления Палаты), хотя она не посчитала необходимым рассмотрение этой жалобы по существу.

65. Большая Палата не видит оснований для того, чтобы поставить под сомнение оценку Палаты в этом отношении, а также иных причин для Суда отказываться от юрисдикции в отношении любой части жалоб, объявленных приемлемыми. Суд удовлетворен тем, что в обстоятельствах дела в целом фактологические элементы жалоб заявителя по поводу незаконного и произвольного задержания и содержания под стражей в соответствии со статьей 5 по сути относились к его более общим жалобам на необоснованное вмешательство в его права по статье 11, как и его жалобы на скрытую цель в соответствии со статьей 18 в совокупности с вышеуказанными положениями. Следует повторить, что жалоба состоит из двух элементов: фактологических утверждений и правовых доводов. Согласно принципу *jura novit curia* («суд знает законы»), Европейский Суд не обязан придерживаться правовых оснований, приведенных заявителем в рамках Конвенции и Протоколов к ней, и вправе самостоятельно решать, какие нормы должны быть применены к обстоятельствам жалобы с учетом результатов ее рассмотрения в свете других, не указанных заявителем статей или положений Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии», пункт 126).

66. Соответственно, настоящее дело, находящееся на рассмотрении Большой Палаты, не ограничено в порядке, заявленном Властями, но распространяется на все аспекты дела, которые были признаны Палатой приемлемыми (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», пункт 141; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции» (*Leyla Şahin v. Turkey*), жалоба № 44774/98, пункт 128, ECHR 2005-XI; и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Кумпана и Мазаре против Румынии», пункты 66-69). Соответственно, Суд отклоняет все предварительные возражения Властей.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

67. Заявитель жаловался на то, что его задержания в семи случаях были незаконными и произвольными. Он также жаловался, что в двух случаях — 9 мая 2012 года и 24 февраля 2014 года — он был необоснованно заключен под стражу до завершения административного производства. Он исходил из пункта 1 статьи 5 Конвенции, который гласит следующее:

«1. «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное содержание под стражей лица после его осуждения компетентным судом;

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения [...]

(d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

(е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче».

А. Замечания сторон, представленные Большой Палате

1. Доводы заявителя

68. Заявитель утверждал, что во всех семи случаях его задержание было произвольным. Он утверждал, что публичные мероприятия, о которых шла речь, не были столь масштабными, чтобы они нарушали общественный порядок. Что касается четвертого и седьмого эпизодов, когда ему было предъявлено обвинение в неповиновении приказу сотрудника полиции (9 мая 2012 года и 24 февраля 2014 года), он не получил какого-либо приказа или предупреждения до того, как он был задержан сотрудниками полиции. В любом случае, нарушение общественного порядка не было вменено ему в вину во время судебного разбирательства на национальном уровне. Более того, даже если полиция считала иначе, не было никаких причин, по которым протоколы об административных правонарушениях не могли быть составлены на месте, как это предусмотрено частью 2 статьи 27 Кодекса об административных правонарушениях. Заявитель указал, что в каждом случае он повиновался сотрудникам полиции, которые его задерживали, и находился под их полным контролем. В каждом случае он был доставлен в полицейский фургон, который мог быть

подходящим местом для составления протокола, без ухода с места проведения мероприятия. По его мнению, в любом из этих случаев не было необходимости доставлять его в отделение полиции для завершения оформления документов, особенно из-за того, что ему пришлось провести длительное время – в ряде случаев более трех часов — в пути в отделение полиции. Он ссылаясь на выводы Суда в постановлении по делу *Навального и Яшина* (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу *«Навальный и Яшин против России»*, пункт 95), что, учитывая отсутствие установленного законом предела в отношении длительности доставления в отделение полиции, необоснованно длительное доставление может само по себе являться незапротоколированным и негласным задержанием в нарушение пункта 1 статьи 5.

69. Кроме того, 9 мая 2012 года и 24 февраля 2014 года он содержался под стражей более трех часов, в нарушение установленного законом срока, хотя никаких исключительных обстоятельств, оправдывающих решение не освободить его до суда, не было. Он утверждал, что его содержание под стражей в ходе предварительного следствия в этих двух случаях не соответствовало целям лишения свободы, изложенным в соответствующих пунктах пункта 1 статьи 5.

2. Власти

70. Власти утверждали, что задержание заявителя было законным и необходимым для того, чтобы привлечь его к ответственности в связи с административными правонарушениями. Они указали, что доставление его в отдел внутренних дел было необходимо в каждом из указанных случаев в связи с отсутствием возможности составления протоколов об административных правонарушениях на месте, так как соответствующие обстоятельства делали оформление документов на месте практически невозможным. Что касается административного ареста, то его продолжительность не превышала трех часов с момента доставления заявителя в отдел внутренних дел, за исключением двух случаев, когда заявителю было предъявлено обвинение в совершении правонарушений, наказуемых лишением свободы, в каждом из которых его задержание укладывалось в максимальный сорокавосемичасовой срок, установленный для таких дел.

В. Оценка Большой Палаты

71. Палата дала следующую оценку жалобе заявителя:

«60. Суд ранее рассматривал жалобы, поданные лицами, задержанными в аналогичных обстоятельствах, в том числе, одну жалобу заявителя. В данных делах полиция прервала несогласованные, но мирные собрания, задержала их

Суд считает, что органы власти не указали никаких явных причин для содержания заявителя под стражей. Суд считает, что его содержание под стражей до суда 9 мая 2012 года и 24 февраля 2014 года было необоснованным и произвольным».

_____

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

73. Заявитель жаловался на нарушение пунктов 1, 2 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Он утверждал, что производство по семи делам, в рамках которых он был признан виновным в совершении административных правонарушений, проходило с нарушением гарантий справедливого разбирательства, в частности, принципов равноправия, состязательности, независимости и беспристрастности суда и презумпции невиновности. Пункт 1 статьи 6 Конвенции, в части, относящейся к делу, гласит:

«1. «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела ... независимым и беспристрастным судом ...

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него; ...»

A. Применимость статьи 6 Конвенции

1. Постановление Палаты Европейского Суда

74. Палата сослалась на свои предыдущие выводы о том, что правонарушения, предусмотренные частью 3 статьи 19 и частью 2 статьи 20 Кодекса об административных правонарушениях, должны быть классифицированы как «уголовные» для целей Конвенции, и не усмотрел никаких оснований для иного заключения по настоящему делу. Он счел, что административное производство должно быть рассмотрено в рамках уголовно-правового аспекта статьи 6 Конвенции.

2. Доводы сторон

75. В ходе разбирательства в Большой Палате Власти поддержали свои возражения в отношении применимости статьи 6 Конвенции к административному производству в настоящем деле, ссылаясь на свободу усмотрения законодательных органов государств-участников с тем, чтобы определить, какие преступления следует

классифицировать в качестве уголовных в их соответствующих правовых системах.

76. Напротив, заявитель настаивал на том, что статья 6 в ее уголовно-правовом аспекте была применима, в соответствии с утвердившейся практикой Суда.

3. Оценка Суда

77. Суд напоминает, что применимость статьи 6 Конвенции должна оцениваться на основе трех критериев, изложенных в постановлении по делу *Энгеля (Engel)*, а именно, правовой классификации преступления в соответствии с национальным законодательством; характера правонарушения; и степени тяжести наказания, которое соответствующее лицо может понести (см. постановление Европейского Суда от 8 июня 1976 года по делу «*Энгель и другие против Нидерландов*» (*Engel and Others v. the Netherlands*), пункты 82-83, Серия А № 22; постановление Европейского Суда от 21 февраля 1984 года по делу «*Озтюрк против Германии*» (*Öztürk v. Germany*), пункт 50, Серия А № 73; постановление Европейского Суда от 27 августа 1991 года по делу «*Демиколи против Мальты*» (*Demicoli v. Malta*), пункты 31-34, Серия А № 210; постановление «*Менешева против России*» (*Menesheva v. Russia*), жалоба № 59261/00, пункты 95-98, ECHR 2006-III; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства*» (*Ezeh and Connors v. the United Kingdom*), жалобы №№ 39665/98 и 40086/98, пункт 82, ECHR 2003-X; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Юссила против Финляндии*» (*Jussila v. Finland*), жалоба № 73053/01, пункт 30, ECHR 2006-XIV; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Блохин против России*» (*Blokhin v. v. Russia*), жалоба № 47152/06, пункт 179, ECHR 2016).

78. Второй и третий критерии, изложенные в деле *Энгеля (Engel)*, являются альтернативными, и не обязательно взаимодополняющими. Это не исключает того, что взаимодополняющий подход может быть применен, если отдельный анализ каждого критерия не позволяет однозначно заключить, имеет ли место уголовное обвинение (см. упоминавшееся выше постановление по делу «*Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства*», пункт 86; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Юссила против Финляндии*», пункт 31; и упоминавшееся выше постановление по делу «*Блохин против России*», пункт 179).

79. Суд ранее постановил, что правонарушение, указанное в части 2 статьи 20 Кодекса об административных правонарушениях, следует классифицировать как «уголовное», принимая во внимание общий характер правонарушения, и с учетом того, что цель санкции имеет

карательный и сдерживающий характер, все это является характеристикой уголовной сферы (см. упоминаемое выше постановление по делу «Каспаров и другие против России», пункты 37-45; постановление Европейского Суда от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против России» (*Mikhaylova v. Russia*), жалоба № 46998/08, пункты 57-69, а также постановление Европейского Суда от 13 декабря 2016 года по делу «Каспаров и другие против России (№ 2)» (*Kasparov and Others v. Russia (no. 2)*), жалоба № 51988/07, пункт 43); Что касается правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 19 Кодекса, Суд отметил, что это правонарушение наказывается содержанием под стражей, которое, как правило, свидетельствует о нарушении, относящемся к уголовной сфере, и что, ввиду его продолжительности и способа исполнения, оно достигло тяжести уголовного наказания (см. постановление Европейского Суда от 30 мая 2013 года по делу «Малофеева против России» (*Malofeyeva v. Russia*), жалоба № 36673/04, пункты 99-101; постановление Европейского Суда от 31 июля 2014 года по делу «Немцов против России» (*Nemtsov v. Russia*), жалоба № 1774/11, пункт 83, а также упоминавшееся выше постановление по делу «Навальный и Яшин против России», пункт 78; и упоминавшееся выше постановление по делу «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства», пункты 69-130).

80. Большая Палата не видит причин для того, чтобы отойти от выводов Палаты и считает, что статья 6 была применима в рамках ее уголовно-правового аспекта по отношению к семи процессам административного производства по настоящему делу.

В. Соблюдение требований

1. Доводы сторон

(а) Заявитель

81. Заявитель утверждал, что во всех семи процессах по делам об административных правонарушениях ему не было обеспечено справедливое судебное разбирательство. Он жаловался, что суды

и что в пяти процессах суды отказались принять видеозаписи его задержаний в качестве доказательств. Кроме того, судами не был соблюден принцип равноправия, поскольку они отвергли показания в пользу заявителя как ложные и при этом сочли весомыми показания сотрудников полиции. Заявитель утверждал, что, отклонив все доказательства в его пользу, внутригосударственные суды возложили на него чрезмерное и неосуществимое бремя доказывания как на ответчика, и что

Более того,

..... Относительно двух процессов — по эпизодам, имевшим место 9 мая 2012 года и 27 октября 2012 года — он сформулировал дополнительную жалобу на то, что .....

..... Он также жаловался на то, что в ходе этих двух разбирательств .....

(b) Заявления Властей

82. Власти настаивали на том, что производство по делам об административных нарушениях в отношении заявителя соответствовало статье 6 Конвенции. Они утверждали, что заявителю была предоставлена хорошая возможность изложить свои доводы и добиться вызова и перекрестного допроса соответствующих свидетелей. Власти были не согласны с тем, что национальные суды взяли на себя функцию обвинения. Они утверждали, что материалы дел об административных правонарушениях были подготовлены полицией, которая провела сбор доказательств и предъявила обвинения в письменном виде, а суды разрешили дела в качестве независимых арбитров. Власти считали, что представленные заявителем видеоматериалы имели ограниченное доказательственное значение и утверждали, что национальные суды в любом случае принимали решение об относимости к делу и допустимости отдельных доказательств.

2. Оценка Суда

83. Палата дала следующую оценку жалобе заявителя:

«69. Суд отмечает, что обстоятельства задержания заявителя оспаривались участниками производства по делам об административных правонарушениях во всех семи случаях. В ходе процесса по эпизоду от 5 марта 2012 года заявитель утверждал, в частности, что два сотрудника полиции, которые составили рапорты об административном правонарушении, не были теми же сотрудниками, кто его задерживал. В ходе процесса по эпизодам, имевшим место 8 и 9 мая 2012 года и вечером 24 февраля 2014 года, заявитель оспаривал тот факт, что рассматриваемые собрания повлекли за собой нарушение порядка, и отрицал, что перед задержанием он получил предупреждение или приказ разойтись. В ходе двух других процессов — по событиям, произошедшим 27 октября 2012 года и 24 февраля 2014 года в 12:00 — заявитель вообще отрицал факт проведения публичного собрания по смыслу федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и утверждал, что он был задержан без предупреждения или повода. Отсюда следует, что каждый процесс сопровождался спором о ключевых фактах, и

национальные суды должны были разрешать эти споры на справедливой и беспристрастной основе.

70. Суд отмечает, что в ходе процесса по эпизоду, имевшему место 5 марта 2012 года, мировой судья допросил только двух сотрудников полиции, чья личность оспаривалась заявителем, а в вызове других свидетелей отказал. Тем не менее, суд кассационной инстанции обоснованно счел эти доказательства недостаточными и также допросил частное лицо - журналиста, который был очевидцем задержания заявителя. Последний подтвердил личность сотрудников полиции. Кроме того, тот же суд кассационной инстанции исследовал предоставленную заявителем видеозапись и на основании всех доказательств счел личности сотрудников полиции установленными. Суд не имеет причин для признания способа оценки доказательств судом кассационной инстанции, касавшегося личности сотрудников полиции, произвольным или явно необоснованным, и отмечает, что заявитель не имел иных претензий к этому процессу.

71.

Они, например, видеозаписи, или о вызове свидетелей в отсутствие каких-либо препятствий для этого. Более того, когда все же допрашивали каких-то свидетелей, кроме сотрудников полиции, они

72. Суд уже рассматривал ряд дел, касавшихся производства по делам об административных правонарушениях в отношении лиц, обвинявшихся в несоблюдении порядка проведения публичных мероприятий или неподчинении распоряжению полиции разойтись. Он установил, что в этих процессах мировые судьи принимали утверждения сотрудников полиции с охотой и безоговорочно и отказывали заявителям в любой возможности представить доказательства, которые шли вразрез с их утверждениями.

(см. упомянутые выше постановления Европейского Суда по делам «Каспаров и другие против России», пункт 64; «Навальный и Яшин против России», пункт 83; и «Фрумкин против России», пункт 165). Несоблюдение этого правила противоречило основополагающим принципам уголовного права, в частности, *in dubio pro reo* (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункт 166, и дела, упоминавшиеся в нем). Суд также установил, что, и одному из фундаментальных принципов уголовного права, а именно *in dubio pro reo* (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Немцов против России», пункт 92).

73 Суд считает, что в данном случае

Более того,

(см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фрумкин против России», пункт 166; а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Немцов против России», пункт 93).

74. Исходя из вышеизложенных соображений Суд приходит к выводу, что

С учетом этого вывода Суд не считает необходимым рассматривать остальные жалобы заявителя на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции при проведении этих шести процессов».

84. Большая Палата соглашается с аргументацией Палаты и считает, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции по административному производству в отношении событий, имевших место 5 марта 2012 года (см. пункты 17-18 выше), и что имело место нарушение этого положения в отношении административного производства по оставшимся шести эпизодам - 8 и 9 мая и 27 октября 2012 года, а также 24 февраля 2014 года (см. пункты 23-24, 28-30, 33-34 и 38-42 выше). Ввиду этого Большая Палата не считает необходимым рассматривать оставшуюся часть жалоб заявителя в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении последних шести производств.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

85. Заявитель жаловался, что в семи случаях его задержания в связи с его предполагаемым участием в несогласованных публичных мероприятиях, содержания его под стражей и осуждения за административные правонарушения было нарушено его право на свободу мирных собраний, гарантированное статьей 11 Конвенции, которая гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу проведения мирных собраний и на свободу создания союза с другими участниками, включая право создания профессиональных союзов и вступления в них для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...» Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав

лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

А. Постановление Палаты Европейского Суда

86. [REDACTED] Суд, в частности, отметил, что, несмотря на то, что заявитель не намеревался проводить шествие 27 октября 2012 года, или общественное собрание перед зданием суда в полдень 24 февраля 2014 года, особые обстоятельства этих событий подпадают под действие статьи 11 Конвенции.

87. Палата установила, что настоящее дело аналогично многим другим делам против России, в которых [REDACTED]

[REDACTED]; при этом [REDACTED]. Она заявила, что имелся признак существования в России практики постоянного прекращения таких собраний или даже предполагаемых собраний полицией и задержания их участников в обычном порядке.

88. Что касается наличия законной цели, то Палата не стала рассматривать этот вопрос, поскольку, по ее мнению, [REDACTED], выдвинутым Властями, [REDACTED]

[REDACTED]. Палата постановила, что даже если предположить, что задержание заявителя и административное наказание соответствовали национальному законодательству и преследовали законную цель, [REDACTED]

[REDACTED]. Она отметила, что [REDACTED]. Кроме того, Суд отметил, что данные меры также имели серьезный потенциал с точки зрения сдерживания от посещения митингов и от участия в открытой политической дискуссии - этот эффект дополнительно усиливался тем, что они были направлены на известную публичную фигуру, чье лишение свободы должно было вызвать широкий резонанс в средствах массовой информации. Таким образом, [REDACTED]

В. Доводы сторон

1. Доводы заявителя

89. Заявитель утверждал, что власти вмешивались в его право на свободу мирных собраний, прерывая собрания или предполагаемые собрания, задерживая его и привлекая к административной ответственности за нарушения порядка проведения публичных мероприятий или за несоблюдение распоряжений полиции. Что касается двух случаев, он оспаривал, что рассматриваемые события представляли собой общественное собрание. Во-первых, 27 октября 2012 года он был задержан под предлогом того, что он проводил шествие, в то время как он всего лишь уходил с места проведения пикетирования. Во-вторых, 24 февраля 2014 года в 12:00 он был задержан во время ожидания перед зданием суда, так как он желал присутствовать при оглашении приговора по делу, получившему широкий общественный резонанс. Это собрание, если его можно квалифицировать как таковое, нельзя было предвидеть, и нельзя было уведомить о нем власти, и оно не повлекло за собой беспорядков, которые обусловили бы необходимость разгона собрания, задержаний и последующих судебных преследований.

90. Он признал, что 5 марта 2012 года, дважды 8 мая 2012 года, 9 мая 2012 года и один раз 24 февраля 2014 года (вечером) он принимал участие в собраниях, о которых не были уведомлены власти. Тем не менее, он считал, что с учетом их непосредственной связи с происходившими на тот момент политическими событиями, их незначительных масштабов и отсутствия угрозы для общественного порядка, можно было бы ожидать от властей проявления терпимости к этим собраниям. По словам заявителя, в каждом из этих семи случаев реакция органов власти была незаконной, не имела законной цели и являлась чрезвычайно непропорциональной, в нарушение статьи 11 Конвенции.

91. В своих устных ходатайствах заявитель утверждал, что было крайне трудно получить от властей разрешение на проведение публичных мероприятий, организованных оппозицией, в особенности, для проведения в подходящее время и в подходящем месте. В частности, он утверждал, что не мог организовать какое-либо публичное мероприятие в центре города Москвы или Санкт-Петербурга, поскольку все уведомления систематически отклонялись без соответствующих альтернативных предложений, как предусмотрено национальным законодательством.

92. Заявитель оспорил утверждение, что он продемонстрировал неподчинение приказам полиции, а также сам факт получения приказов; он также отрицал, что выкрикивал лозунги, препятствовал

движению транспорта или пешеходов, или нарушал общественный порядок.

2. Власти

93. Власти утверждали, что во всех семи случаях имело место публичное собрание, требовавшее уведомления, и согласились, что разгон собравшихся людей и правоохранные меры в отношении заявителя представляли собой вмешательство в право на свободу мирных собраний.

94. Власти считали, что вмешательство в право заявителя на свободу мирных собраний соответствовало национальному законодательству и было необходимым «с целью предотвращения беспорядков или преступлений» и «для защиты прав и свобод других лиц». Они утверждали, что во всех семи случаях заявитель пытался провести неразрешенные публичные собрания, которые были пресечены полицией на законных основаниях, и что компетентные суды обоснованно признали его виновным в совершении административных правонарушений. Они не считали, что в любом из этих случаев существовали какие-либо особые обстоятельства, освобождавшие протестующих от обязанности по соблюдению требований о предварительном уведомлении о собрании. Они привели примеры других, законных публичных собраний, в которых заявитель принял участие без какого-либо вмешательства. Они оспорили утверждения заявителя о том, что эти собрания не производили никакого шума и не наносили вреда, учитывая размеры участвующих групп и присутствие средств массовой информации. В частности, 27 октября 2012 года (пятый эпизод) заявитель проводил марш, который мешал дорожному движению и, в отличие от утверждаемого заявителем, «было маловероятно», что некоторые другие мероприятия «не производили шума и не причиняли неудобства пешеходам», учитывая количество участвующих лиц, их расположение и время (в частности, первое мероприятие 5 марта 2012 года и последние два мероприятия 27 февраля 2014 года). Они также оспорили утверждение заявителя о том, что он не мешал дорожному движению в ходе седьмого эпизода.

95. Наконец, Власти считали, что меры, принятые в отношении заявителя, в частности, административные наказания, были пропорциональными, принимая во внимание систематический и умышленный характер правонарушений. Они указали, что увеличенные суммы штрафов, которые были наложены на заявителя 27 октября 2012 года и 24 февраля 2014 года, были обусловлены законодательным увеличением штрафов в соответствии со статьей 20, часть 2, Кодекса.

96. Власти считали, что по крайней мере в двух случаях органы власти проявили значительную степень терпимости по отношению к незаконным собраниям. В частности, 5 марта 2012 года сотрудники полиции не задерживали заявителя до 22:45, тогда как санкционированный митинг завершился в 21:00; таким же образом, протестующие могли в течение длительного времени продолжать «прогулку», пока полиция не решила их задержать.

97. Власти утверждали, что в постановлении Палаты Суду не требовалось устанавливать наличие в России практики вмешательства в публичные собрания, и что тринадцать примеров, на которые полагался Суд, не были репрезентативными или достаточными для демонстрации такой практики. Они также подчеркнули, что в тринадцати государствах-членах отсутствие предварительного уведомления или несоблюдение ограничений, наложенных в отношении места или времени проведения собрания, могли сами по себе оправдать разгон собрания, согласно сравнительному исследованию, проведенному в отношении постановления по делу *«Лашманкин и другие против России»* (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *«Лашманкин и другие против России»*, пункт 324).

С. (С.) Оценка Большой Палаты

1. Применимость статьи 11 Конвенции и наличие вмешательства

(а) Общие принципы

98. Суд напоминает, что право на свободу собраний является фундаментальным правом в демократическом обществе и, как и право на свободу выражения мнений, является одним из основ такого общества. Таким образом, его не следует толковать ограничительно (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Кудревичиус и другие против Литвы»* (*Kudrevičius and Others v. Lithuania*), жалоба № 37553/05, пункт 91, ECHR 2015, и постановление Европейского Суда от 15 мая 2014 года по делу *«Тараненко против России»* (*Taranenko v. Russia*), жалоба № 19554/05, пункт 65). Для того чтобы предотвратить риск ограничительного толкования, Суд воздержался от формулировки понятия собрания, которое он рассматривает как автономную концепцию, или исчерпывающий перечень критериев, которые определяют таковое. В соответствующих делах Суд указывал, что право на свободу собраний охватывало как частные собрания, так и собрания в общественных местах, как статические, так и в форме шествия; кроме того, оно может осуществляться отдельными участниками и лицами, организующими

собрание (см. упоминаемое выше постановление по делу *«Кудревичиус и другие против Литвы»*, пункт 91, с дальнейшими ссылками, а также упоминавшееся выше постановление по делу *«Лашманкин и другие против России»*, пункт 402). Суд также подчеркнул, что статья 11 Конвенции защищает только право на «мирное собрание» - понятие, которое не включает собрания, на которых организаторы и участники имели насильственные намерения. Таким образом, гарантии статьи 11 применяются ко всем собраниям, за исключением тех случаев, когда организаторы и участники имеют такие намерения, подстрекают к насилию или иным образом отвергают основы демократического общества (см. упоминавшееся выше постановление по делу *«Кудревичиус и другие против Литвы»*, пункт 92, а также содержащиеся в нем ссылки).

99. Таким образом, вопрос о том, подпадает ли собрание под действие автономной концепции «мирного собрания» пункта 1 статьи 11, и объем защиты, обеспечиваемый этим положением, не зависит от того, осуществляется ли собрание в соответствии с порядком, предусмотренным национальным законодательством. Суд только однажды пришел к выводу о том, что собрание подпадает под объем защиты, что его классификация и регулирование в соответствии с национальным законодательством оказывают влияние на оценку Суда. Эти элементы имеют значение для вытекающего отсюда вопроса о негативных обязательствах государства, а именно оправдано ли ограничение защищаемой свободы по пункту 2, а также для оценки позитивных обязательств государства, т.е. был ли последним соблюден баланс между положенными на чашу весов конкурирующими интересами.

100. В связи с этим Суд считает целесообразным повторить, что

[REDACTED]

[REDACTED] (см. упоминавшееся выше постановление по делу *«Кудревичиус и другие против Литвы»*, пункт 147, а также содержащиеся в нем ссылки, цитируемые в пункте 128 ниже). [REDACTED] он также постановил, что [REDACTED]

[REDACTED] (там же, пункт 150, процитированный в пункте 128 ниже).

[REDACTED]

101. Суд подчеркнул, что свобода собраний, предусмотренная статьей 11, тесно связана со свободой выражения мнения, гарантированной статьей 10, поскольку защита личных мнений, обеспечиваемая последней, является одной из целей права на свободу мирных собраний, закрепленного в статье 11 Конвенции. В соответствии с установившейся практикой, жалоба на задержание в контексте демонстрации подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 11 Конвенции на том основании, что статья 10 должна рассматриваться как *lex generalis* по отношению к статье 11, которая является *lex specialis* (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 года по делу «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), пункт 35, Серия А № 202). Одним из отличительных критериев, отмеченных Судом, является то, что при осуществлении права на свободу собраний участники хотели бы не только выразить свое мнение, но и сделать это вместе с другими (см. постановление Европейского Суда от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России» (*Primov and Others v. Russia*), жалоба № 17391/06, пункт 91).

102. В то же время Суд признал, что в сфере политических дебатов гарантии статей 10 и 11 часто являются дополняющими друг друга (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против России» (*Primov and Others v. Russia*), пункт 92). Несмотря на свою автономную роль и особую сферу применения, статья 11 должна также рассматриваться в свете статьи 10, в которой целью осуществления права на свободу собраний является выражение личного мнения, а также необходимость обеспечения форума для публичных дебатов и открытого выражения протеста (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Кудревичиус и другие против Литвы», пункт 86, а также содержащиеся в нем ссылки). Так, например, когда группа людей провела пикет перед областным судом и впоследствии была привлечена к административной ответственности и оштрафована за нарушение порядка организации и проведения публичного мероприятия, Суд считает, что административное преследование представляет собой вмешательство в право заявителя на свободу собраний, которое толкуется в свете его права на свободу выражения мнения (см. постановление Европейского Суда от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России» (*Sergey Kuznetsov v. Russia*), жалоба № 10877/04, пункт 36). Связь между статьей 10 и статьей 11 является особенно актуальной, когда власти вмешиваются в право на свободу мирных собраний в ответ на взгляды или заявления, сделанные участниками демонстрации или членами ассоциации (см., например, постановление «Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии» (*Stankov and*

the United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria), жалобы №№ 29221/95 и 29225/95, пункт 85, ECHR 2001-IX).

103. Суд повторяет, что вмешательство в право на свободу собраний не должно рассматриваться в качестве прямого юридического или фактического запрета, однако может быть реализовано путем принятия властями иных мер. Термин «ограничения» в пункте 2 статьи 11 Конвенции должен толковаться как включающий в себя как меры, принятые до или во время собрания, так и меры, принятые впоследствии (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *Эзелина*, пункт 39; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «*Каспаров и другие против России*», пункт 84; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Примов и другие против России*», пункт 93; и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Немцов против России*» (*Nemtsov v. Russia*), пункт 73). Например, предварительный запрет может оказать сдерживающее влияние на лиц, которые намерены принять участие в митинге и, таким образом, достичь вмешательства, даже если впоследствии митинг продолжается беспрепятственно со стороны властей. Если гражданину не разрешается идти на митинг, это также признается вмешательством. Таким же вмешательством являются меры, принятые властями во время шествия, такие как разгон шествия или задержание участников, а также наказание за участие (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Каспаров и другие против России*», пункт 84, с дальнейшими ссылками).

(б) Применение данных принципов в настоящем деле

104. Суд принимает во внимание утверждение Властей о том, что заявитель отрицал участие в собрании в некоторых случаях, о которых идет речь. Тем не менее, в семи эпизодах он был признан виновным в совершении административного правонарушения: в пяти эпизодах, предусмотренных частью 2 статьи 20 Кодекса об административных правонарушениях, согласно которой нарушение установленного порядка проведения публичных собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования является правонарушением; и в двух случаях его признали виновным в неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции в нарушение части 3 статьи 19.

105. Принимая во внимание доводы сторон относительно характера рассматриваемых различных событий и степень участия заявителя в них, Суд рассмотрит конкретные особенности каждого соответствующего эпизода.

(i) Первый эпизод (5 марта 2012 года)

106. Политический митинг, в ходе которого заявитель и другие участники (около 500 человек) отказались покинуть место проведения митинга по окончании разрешенного срока, явился продолжением мероприятия, о котором было сообщено в соответствии с Законом о публичных мероприятиях (см. пункты 13-14 выше). Это мероприятие, несомненно, являлось собранием в значении статьи 11. Задержание, доставление в отделение полиции и последующее осуждение заявителя за совершение административного правонарушения представляли собой вмешательство в право на свободу мирных собраний, предусмотренное пунктом 2 статьи 11 Конвенции.

(ii) Второй, третий и четвертый эпизоды (8 и 9 мая 2012 года)

107. Заявитель трижды задерживался во время «сходов», проходивших в общественных местах в форме протеста (см. пункты 19-21 и 25 выше). Хотя он утверждал, что «сходы» не являлись ни митингами, ни шествиями или другими видами собраний, требующих направления уведомления в соответствии с Законом «О массовых мероприятиях», он признал, что такие собрания являлись формой выражения мнения, избранного группой сторонников оппозиции, чтобы продемонстрировать свое недовольство повторным избранием Путина президентом. Заявитель не оспаривал его участие в таких сходах.

108. Суд отмечает, что в рассматриваемых «сходах» участвовали группы лиц, действия которых были скоординированными и целенаправленными, в данном конкретном случае - в политических целях; численность участников этих собраний составляла примерно 170, 50 и 50-100 человек, соответственно, и эти собрания носили мирный характер. Учитывая цель и формат «сходов», а именно, выражение личных мнений группы лиц, Суд считает, что они подпадали под понятие «собрания», содержащегося в статье 11 Конвенции. Заявитель намеревался принять участие в этих публичных собраниях и никогда не отрицал этого; даже если он не считал их «шествиями» или «митингами», требующими уведомления в соответствии с применимым национальным законодательством, он осуществлял свое право на свободу собраний в соответствии со статьей 11 Конвенции. По мнению Суда, его задержание, доставление в отделение полиции, содержание под стражей и последующие санкции являлись «ограничением» по смыслу второго пункта статьи 11 и, таким образом, вмешательством в его право на свободу мирных собраний, охраняемое первым пунктом настоящей статьи.

(iii) пятый и шестой эпизоды (27 октября 2012 года и 24 февраля 2014 года, днем)

109. По этим двум эпизодам заявитель оспаривал, что поведение, вменяемое ему в вину, представляло собой общественное собрание в соответствии с Законом «О массовых мероприятиях», в соответствии с утверждениями властей. По пятому эпизоду заявитель принимал участие в неподвижной демонстрации до его задержания. Арест и обвинения, как следует из рапортов полиции и постановлений национальных судов, не относились непосредственно к неподвижной демонстрации, а касались того, что произошло позже: заявитель покидал место проведения мероприятия, в сопровождении группы примерно из 25-30 человек, включая журналистов, и их передвижение было описано как несанкционированное шествие (см. пункты 31-32 выше). Суд считает, что независимо от того, может ли такое поведение, в принципе, представлять собой публичное мероприятие по смыслу российского законодательства, в конкретных обстоятельствах данного эпизода и для цели принятия решения о применимости статьи 11 Конвенции, оно не может быть отделено от участия заявителя в неподвижной демонстрации. Соответственно, даже если заявитель не собирался проводить вменяемое ему мероприятие, все еще существовала связь между мерами, принятыми в отношении него, и осуществлением им права на свободу собраний (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Навальный и Яшин против России», пункт 52; и, *mutatis mutandis*, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против России», пункт 85, а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против России (№ 2)», пункт 27).

110. По шестому эпизоду, около 150 человек стояли возле здания суда с целью посещения судебного заседания; заявителю, вместе с другими активистами, не разрешили войти в здание суда и они ожидали на улице, создавая, таким образом, собрание, которое, по мнению властей, являлось незаконным на основании отсутствия разрешения (см. пункт 35 выше). При оценке последнего события Палата постановила, *среди прочего*:

«45. Что касается событий, произошедших перед зданием суда 24 февраля 2014 года в 12:00, Суд отмечает, что заявитель и другие представители общественности пришли к Замоскворецкому районному суду, чтобы присутствовать при оглашении приговора по уголовному делу, которое они считали политическим. Своим присутствием на слушании они хотели продемонстрировать сопричастность общественности и свою солидарность с активистами, которых они считали политическими заключенными. Общая причина, которая привела этих людей к зданию суда — желание выразить личную сопричастность к общественно значимому делу — отличала это стихийное собрание от случайного скопления людей, где каждый преследует свою собственную цель, например, встать в очередь, чтобы войти в

общественное здание. Его также следует отличать от тех ситуаций, когда прохожие случайно смешиваются с демонстрацией и могут быть ошибочно приняты за ее участников (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против России», пункт 72). Суд напоминает, что статья 11 Конвенции охватывает личные встречи и митинги в общественных местах (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичиус и другие против Литвы» (*Kudrevičius and Others v. Lithuania*), жалоба № 37553/05, пункт 91, ECHR 2015), и что отстаивание личного мнения является одной из целей права на свободу мирных собраний, закрепленного в статье 11 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 года по делу «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), пункт 37, Серия А № 202). Таким образом, Суд считает, что в данном деле имело место вмешательство в право заявителя на свободу собраний...»

111. Большая Палата сомневается в том, что, принимая во внимание российское законодательство, заявитель мог считать, что, явившись на судебное заседание, он принимал участие в публичном мероприятии, о проведении которого следовало предварительно уведомить. Хотя это не связано правовой квалификацией, в соответствии с российским законодательством, мероприятия, проведенного днем 24 февраля 2014 года, Большая Палата, поддерживая вышеприведенную аргументацию Палаты, считает, что намерение заявителя и его фактическое поведение были охвачены понятием «мирного собрания» пункта 1 статьи 11 и, таким образом, попадали под действие защиты, обеспечиваемой этим положением.

112. Таким образом, Суд считает, что задержания заявителя, доставление в отделение полиции и последующие санкции в этих двух случаях представляли собой вмешательство в право на свободу мирных собраний, предусмотренное пунктом 2 статьи 11.

(iv) седьмой эпизод (вечер 24 февраля 2014 года)

113. Заявитель был задержан во время спонтанной неподвижной демонстрации с участием примерно 150 человек, проведенной в ответ на приговор по «Болотному» делу, который был оглашен ранее в тот же день. Заявитель не отрицал свое намерение участвовать в этом собрании (см. пункт 37 выше). Суд не сомневается в том, что данное мероприятие составляло собрание в значении статьи 11, и считает, что поведение заявителя подпадало под действие данного положения. Соответственно, разгон собрания и задержание заявителя, доставление его в отделение полиции, содержание под стражей и административные санкции представляли собой вмешательство в его право на свободу мирных собраний, предусмотренное пунктом 2 статьи 11 Конвенции.

2. *Оправданность вмешательства*

(а) *Предусмотрено законом*

(i) *Общие принципы касательно законности*

114. Соответствующие принципы были кратко изложены в постановлении по делу *«Кудревичиус и другие против Литвы»* (упомянуто выше, пункты 108-10):

«108. Суд напоминает свою практику относительно того, что выражения «предусмотрено законом» и «в соответствии с законом» в статьях 8-11 Конвенции предполагают не только наличие в национальном законодательстве правовых оснований для применения оспариваемых мер, но и предъявляют определенные требования к качеству такого законодательства, которое должно быть доступным для соответствующего лица и иметь предсказуемые последствия (см., среди прочих источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Ротару против Румынии»* (*Rotaru v. Romania*), жалоба № 28341/95, пункт 52, ECHR 2000-V; постановление Европейского Суда по делу *«ФгТ Ферайн Геген Tierfabriken против Швейцарии»* (*VgT Verein gegen Tierfabriken v. Switzerland*), жалоба № 24699/94, пункт 52, ECHR 2001-VI; постановление Европейского Суда по делу *«Гаведа против Польши»* (*Gawęda v. Poland*), жалоба № 26229/95, пункт 39, ECHR 2002-II; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Маэстри против Италии»* (*Maestri v. Italy*), жалоба № 39748/98, пункт 30, ECHR 2004-I; упоминавшееся выше постановление по делу *«Веренцов против Украины»*, пункт 52; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Горзелик и другие против Польши»* (*Gorzelik and Others v. Poland*), жалоба № 44158/98, пункты 64-65, ЕСПЧ 2004-I; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Профсоюз «Добрый пастырь» против Румынии»* (*Sindicatul 'Păstorul cel Bun v. Romania*), жалоба № 2330/09, пункт 153, ECHR 2013 (извлечения)).

109. В частности, норма не может рассматриваться как «закон», если только она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину – в случае необходимости, с помощью соответствующей консультации — предвидеть, с той степенью, которая является разумной в данных обстоятельствах, последствия, к которым может привести то или иное действие (см., например, упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу *«Джавит Ан против Турции»*, пункт 65). Тем не менее, опыт показывает, что невозможно достичь абсолютной точности в формулировке законов, в частности, в тех областях, где ситуация меняется в соответствии с преобладающими взглядами общества (см., среди других примеров практики, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *«Эзелин против Франции»*, пункт 45). В частности, нельзя предвидеть последствия конкретного действия с абсолютной определенностью: опыт показывает, что это недостижимо. Хотя точность весьма желательна, она может повлечь за собой чрезмерную негибкость, а закон должен сохранять способность следовать изменяющимся обстоятельствам. Соответственно, многие из законов сформулированы с использованием таких формулировок, которые, в той или иной степени, являются неопределенными, и толкование и применение которых является вопросом практики (см., среди других примеров практики, постановление Европейского Суда от 26 апреля 1979 года по делу *«Санди Таймс против Соединенного Королевства»* (*Sunday Times v. the United Kingdom*) (№ 1),

пункт 49, Серия А № 30; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Реквеньи против Венгрии» (*Rekvényi v. Hungary*) [GC], жалоба № 25390/94, пункт 34, ECHR 1999-III; упоминавшееся выше решение Европейского Суда по делу *Зилиберберга*; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Галстян против Армении», пункт 106; и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против России», пункт 125).

110. Роль вынесения решения, закрепленная за национальными судами, заключается определенно в том, чтобы рассеять такие оставшиеся после толкования сомнения; таким образом, полномочия Суда по пересмотру соблюдения национального законодательства ограничены, поскольку именно национальные власти, в частности, суды должны толковать и применять национальное законодательство (см. постановление Европейского Суда от 24 апреля 1990 года по делу «Крюслен против Франции» (*Kruslin v. France*), пункт 29, Серия А, жалоба № 176-А; постановление Европейского Суда по делу «Копп против Швейцарии» (*Kopp v. Switzerland*), пункт 59, Сборник 1998-II; упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «ФгТ Ферайн Геген Тиерфабрикен против Швейцарии», пункт 52; постановление Европейского Суда от 11 января 2007 года по делу «Мкртчян против Армении» (*Mrktchyan v. Armenia*), жалоба № 6562/03, пункт 43; и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Веренцов против Украины», пункт 54). Кроме того, уровень точности, требуемый от национального законодательства — который не может в любом случае предусматривать каждую случайность — в значительной степени зависит от содержания рассматриваемого документа, сферы деятельности, для которой он предназначен, а также количества и статуса тех, кому он адресован (см. постановление Европейского Суда от 26 сентября 1995 года по делу «Фогт против Германии» (*Vogt v. Germany*), пункт 48, Серия А № 323, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Реквеньи против Венгрии», пункт 34)).

115. Суд также повторяет, что для того, чтобы национальное законодательство соответствовало требованиям качества, оно должно обеспечивать правовую защиту от произвольного вмешательства государственных органов в права, гарантированные Конвенцией. В вопросах осуществления основополагающих прав это будет противоречить принципу верховенства права, одного из основополагающих принципов демократического общества, закрепленного в Конвенции, если законная свобода действий предоставлена органам исполнительной власти и выражена в определении неограниченных полномочий. Следовательно, закон должен с достаточной ясностью указывать объем такой свободы действий и способ ее осуществления (см., среди других примеров практики, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (*Hasan and Chaush v. Bulgaria*), жалоба № 30985/96, пункт 84, ECHR 2000-XI; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маэстри против Италии» (*Maestri v. Italy*), жалоба № 39748/98, пункт 30, ECHR 2004-I; и

упоминавшееся выше постановление по делу *«Лашманкин и другие против России»*, пункт 411).

(ii) Применение вышеизложенных принципов к настоящему делу

116. Во-первых, Суд отмечает, что в первых четырех эпизодах власти действовали в соответствии со статьей 16 Закона о публичных мероприятиях, которая предусматривает окончание публичного мероприятия в связи с умышленным нарушением организатором порядка проведения публичных мероприятий. С июня 2012 года власти также могли прекратить публичное мероприятие, в частности, за несоблюдение требования о подаче уведомления, и это основание применялось в отношении пятого и последующих эпизодов. Оба основания для окончания публичных мероприятий являются скорее альтернативными, а не кумулятивными в связи с возникновением реальной угрозы, которая также являлась указанным основанием. Что касается административных санкций, они основывались на части 2 статьи 20 и части 3 статьи 19 Кодекса об административных правонарушениях (см. пункты 44-46 выше). Таким образом, можно сказать, что [REDACTED]

117. С другой стороны, обстоятельства настоящего дела предполагают, что из-за чрезмерно широкого характера вышеупомянутых правовых норм предсказуемость их применения может быть поставлена под вопрос. В отсутствие критериев, отличающих неформальную встречу от публичного мероприятия, требующего официального уведомления, полиция и национальные суды приняли толкование, которое расширило формальное требование на очень широкий спектр ситуаций, не имеющих четкого определения. Так, [REDACTED]

118. Таким образом, [REDACTED] При осуществлении этого дискреционного права полиция имела право прекратить это мероприятие - и это включало в себя административные меры [REDACTED]

правоприменения, такие как задержание, доставление в отделение полиции и предварительное заключение под стражу — исключительно по той причине, что процедура уведомления не была соблюдена даже при отсутствии нарушений общественного порядка. Подчеркивая важность надлежащих гарантий против произвольного вмешательства органов государственной власти в право на свободу собраний, Суд не может не отметить широкие по значению термины, используемые в соответствующих положениях статьи 2 "Закона о массовых мероприятиях", в которых дается определение понятия «публичное мероприятие», широкой сферы уведомления о таком мероприятии, предусмотренного статьями 5 и 7 Закона, и широкое определение преступления, предусмотренного частью 3 статьи 19 и частью 2 статьи 20 Кодекса об административных правонарушениях, применимых к любому невыполнению данного обязательства (см. пункты 44-46 выше). Принимая во внимание также характер оспариваемых событий в настоящем деле,

[REDACTED]

[REDACTED]. Это сомнение усугубляется тем, что каждый раз власти прерывали осуществление заявителем свободы собраний путем задержания и содержания его под стражей в обстоятельствах, противоречащих пункту 1 статьи 5 Конвенции (см. пункт 72 выше).

119. Тем не менее, принимая во внимание, что данный закон поднимает важные вопросы, выходящие за рамки простого анализа его качества и предсказуемости, Суд считает более целесообразным включить этот анализ в более широкую оценку пропорциональности, который должен проводиться в соответствии с нижеприведенной проверкой необходимости, т.е. более тщательно изучить вопрос о том, сопровождалась ли свобода усмотрения властей в этой области соответствующими гарантиями против злоупотребления (см. пункты 148 - 150 ниже).

- (б) [REDACTED] -
предотвращение беспорядков или преступлений и защиту прав и свобод других лиц

(i) Практика Суда в отношении законной цели

120. В постановлении по делу *Мерабишвили* (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 28 ноября 2017 года по делу «*Мерабишвили против Грузии*» (*Merabishvili v. Georgia*), жалоба №. 72508/13) Суд провел обзор дел, в которых он отдельно рассмотрел вопрос о том, преследовало ли вмешательство законную цель.. Суд установил, что хотя законная цель и основания, изложенные в

положениях об ограничении Конвенции, являются исчерпывающими, они также были определены в широком смысле и были истолкованы с определенной степенью гибкости. Как правило, перед государствами-ответчиками стоит относительно простая задача убедить Суд в том, что вмешательство преследовало законную цель, даже когда заявители убедительно утверждают, что таковое фактически преследовало неопределенную скрытую цель. Суд, действительно, сам признал, что в большинстве дел он рассматривает этот вопрос в упрощенном порядке. Дел, в которых Суд озвучил сомнения относительно указанной цели без вынесения определения по этому вопросу, или отклонил одну или несколько из заявленных целей, было совсем немного, а дел, в которых Суд установил нарушение соответствующей статьи исключительно из-за отсутствия законной цели, еще меньше. В центре внимания Суда, скорее всего, находился последующий и тесно связанный вопрос о том, является ли данное ограничение необходимым или обоснованным, то есть, основанным на существенных и достаточных причинах и соразмерным для достижения целей или оснований, для которых оно предназначено. Эти цели и основания являются эталонными критериями, для которых измеряется необходимость или обоснование (см. упомянутое выше постановление по делу *Мерабишвили*, пункты 294-302).

121. Суд принимает во внимание то, что в соответствии с его установившейся практикой, в судебном производстве, инициированном индивидуальной жалобой по статье 34 Конвенции, его задача заключается не в абстрактном пересмотре внутригосударственного законодательства, а в определении того, привел ли способ, которым это законодательство было применено в отношении заявителя, к нарушению Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Перинчек против Швейцарии*» (*Perinçek v. Switzerland*), жалоба № 27510/08, пункт 136, ECHR 2015, со ссылками). Таким образом, проверяя наличие законной цели в конкретном деле, Европейский Суд рассматривает цель законодательного положения, о котором идет речь, принимая во внимание его реализацию в конкретном деле заявителя.

122. В связи с рассмотрением настоящего дела Суд также считает необходимым отметить, что в формулировке допустимых оснований для ограничения прав, изложенных в различных статьях Конвенции, существуют определенные различия (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу «*Перинчек против Швейцарии*», пункт 146-51). Суд пришел к выводу, хотя и в контексте статьи 10, что, поскольку слова, используемые в тексте на английском языке, как представляется, могут иметь более узкое значение, выражения «предотвращение беспорядка» и «la défense de l'ordre» в английском и французском варианте пункта 2 статьи 10 Конвенции можно было бы

лучше согласовать как имеющие менее обширное значение (см. постановление по делу *«Перинчек против Швейцарии»*, пункт 151). То же самое должно быть справедливо и в отношении пункта 2 статьи 11, в котором содержатся те же слова в их соответствующих языковых версиях, поскольку Конвенция должна толковаться в целом и толковаться таким образом, чтобы способствовать внутренней последовательности и гармонии между различными ее положениями (см. решение Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Стек и другие против Соединенного Королевства»* (*Stec and Others v. the United Kingdom*), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, пункт 48, ECHR 2005-X):

(ii) Законная цель в настоящем деле

123. Возвращаясь к наличию законной цели, Суд рассмотрит вопрос о том, преследовало ли задержание заявителя, содержание под стражей и признание виновным в совершении административных правонарушений законные цели предотвращения беспорядков или преступлений и защиту прав и свобод других лиц, о чем утверждали Власти.

124. В этой связи Суд отмечает, в частности, что в пятый раз заявитель был задержан, когда уходил с места неподвижной демонстрации, которая только что завершилась, и вместе с ним шла группа людей, включая журналистов. Власти квалифицировали это как «несанкционированное шествие», несмотря на то, что заявитель не проявлял намерения возглавить шествие или осуществить иное действие, помимо простой прогулки по улице, уходя с места проведения мероприятия (см. пункт 32 выше). В данном контексте заявитель не мог предвидеть, что его действия будут восприниматься как публичное мероприятие, вменяемое ему властями. В действительности, эта группа не была сформирована по его инициативе, и по этой причине их поведение не могло рассматриваться как дезорганизующее, так как было указано, что заявитель и другие лица шли по тротуару, и Суду не было представлено никаких доказательств обратного.

125. По шестому эпизоду власти решили, что группа лиц, ожидающих входа на судебное заседание, представляла собой несанкционированное «общественное собрание» (см. пункт 35 выше). Из заявлений Властей можно понять, что после некоторого времени ожидания у суда некоторые члены группы стали выкрикивать политические лозунги. Тем не менее, Суду не было представлено никаких доказательств, что заявитель делал то же самое, или что он иным образом продемонстрировал намерение провести политический митинг у здания суда. Ничто в материалах дела не свидетельствует о том, что перед судебным заседанием лица, находящиеся возле здания

суда, ожидали, что им не разрешат войти в зал суда, или что они были готовы провести демонстрацию, если это произойдет. Более того, как следует из материалов дела, территория вокруг здания суда была в любом случае оцеплена и окружена автомобилями полиции, и лица, ожидавшие за пределами оцепления, не чинили никаких дополнительных препятствий дорожному движению.

126. Таким образом, Суд не удовлетворен тем, что в пятом и шестом случаях оспариваемые меры, принятые в отношении заявителя, преследовали какую-либо законную цель в значении пункта 2 статьи 11. По этой причине в отношении каждого из этих двух эпизодов имело место нарушение статьи 11.

127. Что касается остальных пяти эпизодов, Суд отмечает, что соответствующие задержания имели место во время публичных мероприятий, проводимых без уведомления (второй, третий, четвертый и седьмой эпизоды), или по окончании разрешенного периода времени (первый эпизод). Все эти мероприятия являлись мирными собраниями, которые вряд ли вызвали какие-либо нарушения (см. пункты 14, 19-21, 25 и 37 выше). Суд серьезно сомневается в том, что преследовалась какая-либо законная цель, предусмотренная пунктом 2 статьи 11 Конвенции, но не видит необходимости делать однозначное заключение по данному вопросу, считая, что вмешательство в любом случае не было «необходимым» по причинам, изложенным ниже.

(в) [REDACTED]

(i) *Принципы устоявшейся практики Европейского Суда*

128. При рассмотрении вопроса о необходимости оспариваемого вмешательства в право на свободу собраний в настоящем деле Суд будет учитывать принципы, изложенные в упоминавшемся выше постановлении по делу «Кудревичиус и другие против Литвы» (см. пункты 142-60; а также недавно процитированные в постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России» (пункт 412):

(а) *Общие положения*

«142. Свобода собраний, один из фундаментальных принципов демократического общества, зависит от ряда исключений, которые должны быть ограничительно истолкованы, а необходимость любых ограничений должна быть убедительно доказана. При рассмотрении вопроса о том, могут ли считаться ограничения прав и свобод, гарантированных Конвенцией, «необходимыми в демократическом обществе», Договаривающиеся стороны применяют конкретные, но неограниченные пределы усмотрения (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», пункт 42). В любом случае, Суд должен вынести окончательное

решение по соответствию ограничений Конвенции, и это должно быть сделано при оценке обстоятельств конкретного дела (см. решение Европейского Суда по делу «*Руфи Османи и другие против бывшей Югославской Республики Македония*» (*Rufi Osmani and Others v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 50841/99, ECHR 2001-X, и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Галстян против Армении*», пункт 114).

143. При рассмотрении обстоятельств дела задача Суда состоит не в том, чтобы заменить своей собственной точкой зрения позицию национальных властей, а в том, чтобы рассмотреть в рамках Статьи 11 принятые ими решения. Это не означает, что Суд должен ограничиваться установлением того, реализовывало ли государство свою свободу действий разумно, тщательно и добросовестно; он должен рассмотреть оспариваемое вмешательство в свете дела в целом и определить, преследовало ли оно «законную цель», отвечало ли оно «насущной общественной необходимости», и, в частности, было ли оно пропорциональным этой цели, а также были ли причины, приведенные национальными властями для его обоснования, «соответствующими и достаточными» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 18 января 2001 года по делу «*Костер против Соединенного Королевства*» (*Coster v. the United Kingdom*), жалоба № 24876/94, пункт 104; постановление Европейского Суда от 17 июля 2008 года по делу «*Ашугян против Армении*» (*Ashughyan v. Armenia*), жалоба № 33268/03, пункт 89, также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*С. и Марпер против Соединенного Королевства*» (*S. and Marper v. the United Kingdom*), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, пункт 101, ECHR 2008; и упомянутое выше постановление по делу «*Баррако против Франции*», пункт 42; а также упомянутое выше постановление по делу «*Каспаров и другие против России*», пункт 86). Поступая таким образом, Суд должен убедиться, что национальные власти применяли стандарты, которые соответствовали принципам, изложенным в статье 11, и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. упоминаемое выше решение Европейского Суда по делу *Раи и Эванс*, и упоминаемое выше решение Европейского Суда по делу *Гюн и другие*, пункт 75; см. также постановление Европейского Суда от 30 января 1998 года по делу «*Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции*» (*United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*), пункт 47, Сборник 1998-I, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 8 июля 1999 года по делу «*Гергер против Турции*» (*Gerger v. Turkey*), жалоба № 24919/94, пункт 46).

144. Принцип пропорциональности требует, чтобы был соблюден баланс между требованиями целей, перечисленных в пункте 2, с одной стороны, и интересами свободного выражения мнений посредством слова, жеста или даже молчания лицами, собранными на улицах или в других общественных местах, с другой стороны (см. упоминавшееся выше решение Европейского Суда по делу «*Руфи Османи и другие против Македонии*»; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Скиба против Польши*»; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Фабер против Венгрии*», пункт 41; и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Тараненко против России*», пункт 65).

145. Свобода собраний, закрепленная в статье 11 Конвенции, защищает демонстрацию, что может раздражать или быть неприемлемыми по отношению к людям, чьи взгляды противоположны идеям или требованиям, выдвигаемым

при этом (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу *«Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии»*, пункт 86). Любые меры по вмешательству в свободу собраний и выражения мнения, за исключением случаев подстрекательства к насилию или отказа от демократических принципов - какими бы шокирующими и неприемлемыми ни казались властям определенные взгляды или слова - вредят демократии и часто даже ставят ее под угрозу (см. постановление Европейского Суда от 12 июля 2005 по делу *«Гюнери и другие против Турции»* (*Güneri and Others v. Turkey*), жалобы №№ 42853/98, 43609/98 и 44291/98, пункт 76; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *«Сергей Кузнецов против России»*, пункт 45; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *«Алексеев против России»*, пункт 80; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *«Фабер против Венгрии»*, пункт 37; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *«Гюн и другие против Турции»*, пункт 70; и упоминавшееся выше постановление по делу *«Тараненко против России»*, пункт 67).

146. Характер и суровость наложенных наказаний также являются факторами, которые должны приниматься во внимание при оценке пропорциональности вмешательства в отношении преследуемой цели (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Озтюрк против Турции»* (*Öztürk v. Turkey*), жалоба № 22479/93, пункт 70, ECHR 1999-VI; упоминавшееся выше решение по делу *«Руфи Османи и другие против Македонии»*; и упоминавшееся выше постановление по делу *«Гюн и другие против Турции»*, пункт 82). В случаях, когда санкции, примененные к демонстранту, носят уголовный характер, они требуют особого обоснования (см. упоминаемое выше решение Европейского Суда по делу *Раи и Эванса*). Мирная демонстрация, в принципе, не должна подвергаться угрозе уголовного наказания (см. постановление Европейского Суда от 17 мая 2011 года по делу *«Акгёл и Гёл против Турции»* (*Akgöl and Göl v. Turkey*), жалобы №№ 28495/06 и 28516/06, пункт 43) и особенно лишению свободы (см. упоминавшееся выше постановление по делу *«Гюн и другие против Турции»*, пункт 83). Таким образом, Суд должен с особой тщательностью рассматривать дела, в которых санкции, наложенные национальными властями за ненасильственные действия, включают наказание в виде лишения свободы (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу *«Тараненко против России»*, пункт 87).

(β) Требование предварительного разрешения

«147. В принципе, это не противоречит духу статьи 11, если по причинам сохранения общественного порядка и национальной безопасности Высокая Договаривающаяся Сторона требует, чтобы митинги проводились только по разрешению (см. упомянутое выше постановление по делу *«Ойя Атаман против Турции»*, пункт 37; постановление Европейского Суда по делу *«Букта и други против Венгрии»* (*Bukta and Others v. Hungary*), жалоба № 25691/04, пункт 35, ECHR 2007-III; постановление Европейского Суда от 29 ноября 2007 года по делу *«Балчик и другие против Турции»* (*Balçık and Others v. Turkey*), жалоба № 25/02, пункт 49; постановление Европейского Суда от 18 декабря 2007 года по делу *«Нуреттин Альдемир и другие против Турции»* (*Nurettin Aldemir and Others v. Turkey*), жалобы №№ 32124/02, 32126/02, 32129/02, 32132/02, 32133/02, 32137/02 и 32138/02, пункт 42; упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу *«Ева Молнар против Венгрии»*, пункт 35; постановление Европейского Суда от 7 апреля 2009 года по делу *«Каратеппе и другие против Турции»* (*Karatepe and Others v. Turkey*), жалобы №№ 33112/04, 36110/04,

40190/04, 41469/04 и 41471/04, пункт 46; упоминаемое выше решение Европейского Суда по делу «Скиба против Польши»; постановление Европейского Суда от 15 ноября 2012 года по делу «Челик против Турции (№ 3)» (*Çelik v. Turkey (no. 3)*), жалоба № 36487/07, пункт 90; и упоминавшееся выше постановление по делу «Гюн и другие против Турции», пункты 73 и 80). Суд ранее пришел к заключению о том, что разумные процедуры уведомления о проведении массового мероприятия и даже процедуры санкционирования его проведения, как правило, не посягают на сущность права в соответствии со статьей 11 Конвенции, до тех пор, пока цель таких процедур заключается в том, чтобы позволить органам власти принимать разумные и необходимые меры в целях обеспечения успешного проведения массовых собраний (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Сергей Кузнецов против России», пункт 42, и решение Европейского Суда по делу «Раи и Эванс против Соединенного Королевства»). Организаторы публичных собраний должны следовать правилам, регулирующим этот процесс, посредством соблюдения действующих правил (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против России», пункт 117).

«148. ... Предварительное уведомление используется не только с целью согласования права на свободу собраний с правами и законными интересами (в том числе со свободой передвижения) других лиц, но также в целях предупреждения беспорядков или преступлений. Представляется, что когда дело касается организации массовых демонстраций, распространенной практикой в государствах-членах для уравнивания этих противоречащих интересов является установление предварительных административных процедур (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Ева Молнар против Венгрии», пункт 37, и постановление Европейского Суда от 10 июля 2012 года по делу «Берладир и другие против России» (*Berladir and Others v. Russia*), жалоба № 34202/06, пункт 42). Однако, нормы такого характера не должны представлять собой скрытое препятствие для свободы мирных собраний, охраняемого Конвенцией (см. постановление Европейского Суда от 27 января 2009 года по делу «Самют Карабулут против Турции» (*Samüt Karabulut v. Turkey*), жалоба № 16999/04, пункт 35, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Берладир и другие против России», пункт 39).

149. Поскольку государства имеют право требовать получения разрешения, они должны иметь возможность налагать санкции на тех, кто участвует в демонстрациях, которые не отвечают этим требованиям (см. упоминавшееся выше решение Европейского Суда по делу Зилиберберга; упоминавшееся выше решение Европейского Суда по делу «Раи и Эванс против Соединенного Королевства»; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда «Берладир и другие против России», пункт 41; и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против России», пункт 118). В то же время свобода принимать участие в мирном собрании имеет такое значение, что человек не может быть подвергнут наказанию – даже относящемуся к нижней границе масштаба дисциплинарных взысканий – за участие в демонстрации, которая не была запрещена, до тех пор, пока это лицо не совершает никаких предосудительных действий по такому случаю (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Эзелин против Франции», пункт 53; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Галстян против Армении», пункт 115; и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», пункт 44). Это верно и в тех случаях, когда демонстрация приводит к ущербу или

другим беспорядкам (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Тараненко против России», пункт 88).

150. Незаконная ситуация, такая, как проведение демонстрации без предварительного разрешения, не обязательно оправдывает вмешательство в право лица на свободу собраний (см. постановление Европейского Суда по делу «Сиссе против Франции» (*Cisse v. France*), жалоба № 51346/99, пункт 50, ECHR 2002-III; упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», пункт 39; упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», пункт 45; и упоминаемое выше решение по делу «Скиба против Польши»). В то время как правила, регулирующие публичные собрания, такие как система предварительного уведомления, являются важными для беспрепятственного проведения демонстраций, поскольку они позволяют властям свести к минимуму перебои в работе транспорта и принять другие меры безопасности, их принудительное исполнение не может являться самоцелью (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против России» (*Primov and Others v. Russia*), пункт 118). В частности, если демонстранты не участвуют в актах насилия, для государственных органов важно проявить определенную степень терпимости по отношению к мирным собраниям, если свобода собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не будет лишена самой сути (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», пункт 42; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Букта и другие против Венгрии», пункт 37; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Нуреттин Альдемир и другие против Турции», пункт 46; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Ашугян против Армении», пункт 90; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Ева Молнар против Венгрии», пункт 36; «Баррако против Франции», пункт 43; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Берладир и другие против России», пункт 38; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Фабер против Венгрии», пункт 47; постановление Европейского Суда от 23 июля 2013 года по делу «Изджи против Турции» (*Izci v. Turkey*), жалоба № 42606/05, пункт 89; и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против России», пункт 91).

151. [REDACTED]

[REDACTED]. Таким образом, в первую очередь следует установить, почему демонстрация не была санкционирована, каковы были общественные интересы, и какие риски представляло это мероприятие. Метод, используемый полицией для воспрепятствования протестующим, удерживания их в определенном месте или разгона демонстрации, также является важным фактором при оценке соразмерности вмешательства (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против России», пункт 119). Таким образом, применение сотрудниками полиции перцового баллончика для разгона санкционированной демонстрации было признано несоразмерным, даже если Суд признал, что мероприятие могло нарушить движение транспорта (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», пункты 38-44).

152. В упоминавшемся выше постановлении Европейского Суда по делу «*Букта и другие против Венгрии*» (пункты 35 и 36) Суд постановил, что при особых обстоятельствах, когда спонтанная демонстрация может быть оправдана, например, в ответ на политическое событие, разгон указанной демонстрации исключительно по причине отсутствия необходимого предварительного уведомления, без каких-либо незаконных действий со стороны участников, может быть приравнен к несоразмерному ограничению их свободы мирных собраний.

153. Суд также разъяснил, что принцип, установленный в деле «*Букта и другие против Венгрии*», не может быть расширен до той точки, где отсутствие предварительного уведомления о спонтанной демонстрации никогда не может являться законным основанием для разгона толпы. Право на проведение спонтанных демонстраций может превалировать над обязательством по предоставлению предварительного уведомления о проведении публичных собраний только при особых обстоятельствах, а именно, если в форме демонстрации предусмотрен немедленный ответ на данное событие. В частности, такое отступление от общего правила может быть обосновано, если промедление лишило бы подобную реакцию смысла (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Ева Молнар против Венгрии*», пункты 37-38, и решение Европейского Суда по делу «*Скиба против Польши*»).

«154. Кроме того, следует подчеркнуть, что даже разрешенная на законных основаниях демонстрация может быть разогнана, например, когда она превращается в бунт (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Примов и другие против России*», пункт 137).

(γ) Демонстрации и нарушение нормальной жизни

“155. Любая демонстрация в общественном месте может привести к определенному нарушению нормальной жизни, включая сбой в работе транспорта (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Баррако против Франции*», пункт 43; постановление Европейского Суда от 27 ноября 2012 по делу «*Диск и Кеск против Турции*» (*Disk and Kesk v. Turkey*), жалоба 38676/08, пункт 29; и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Изджи против Турции*», пункт 89). Этот факт сам по себе не оправдывает вмешательство в право на свободу собраний (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Берладир и другие против России*» (*Berladir and Others*), пункт 38, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Гюн и другие против Турции*», пункт 74), поскольку важно, чтобы органы государственной власти проявили определенную степень терпимости (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «*Ашугян против Армении*», пункт 90). Соответствующая «степень терпимости» не может быть определена *in abstracto*: Суд должен рассмотреть конкретные обстоятельства дела и, в частности, степень «нарушения обычной жизни» (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Примов и другие против России*», пункт 145). В такой ситуации ассоциациям и другим лицам, организующим демонстрации, важно, как участникам демократического процесса, придерживаться правил, регулирующих этот процесс, и соблюдать действующие положения закона (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «*Ойя Атаман против Турции*», пункт 38, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «*Балчик и другие против Турции*», пункт 49; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «*Ева Молнар против Венгрии*»,

пункт 41; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «*Баррако против Франции*», пункт 44, а также упомянутое выше решение по делу «*Скиба против Польши*»).

156. Умышленное невыполнение организаторами этих правил и организация демонстрации или ее части таким образом, чтобы причинить ущерб обычной жизни и другим видам деятельности в такой превышающей степени, что неизбежно при данных обстоятельствах, представляет собой поведение, которое не может пользоваться такой же привилегированной защитой согласно Конвенции, как политические выступления или дебаты по вопросам, представляющим общественный интерес, или мирное проявление мнений по таким вопросам. Напротив, Суд считает, что Договаривающиеся Государства пользуются широкой свободой усмотрения при оценке необходимости принятия мер по ограничению такого поведения...

157. Ограничения на свободу мирных собраний в общественных местах могут служить защите прав других лиц с целью предотвращения беспорядков и поддержания порядка в дорожном движении (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Ева Молнар против Венгрии*», пункт 34). Так как переполненность во время проведения публичного мероприятия таит опасность, в различных странах органы власти нередко налагают ограничения на место, дату, время, форму или способ проведения запланированного публичного собрания (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Примов и другие против России*», пункт 130).

(д) Позитивные обязательства государства по статье 11 Конвенции

«158. Государства должны не только воздерживаться от применения необоснованных косвенных ограничений права на проведение мирных собраний, но и гарантировать это право. Хотя основной целью статьи 11 является защита личности от произвольного вмешательства государственных органов власти в осуществление защищаемых прав (см. постановление Европейского Суда от 27 февраля 2007 года по делу «*Ассоциация машинистов локомотивов и пожарных*» (ASLEF) *против Соединенного Королевства*» (Associated Society of Locomotive Engineers and Firemen (ASLEF) v. the United Kingdom), жалоба № 11002/05, пункт 37, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Немцов против России*», пункт 72), помимо прочего, могут существовать позитивные обязательства по обеспечению эффективного осуществления этих прав (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда «*Джавит Ан против Турции*», пункт 57; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Ойя Атаман против Турции*», пункт 36; и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Гюн и другие против Турции*», пункт 72).

159. Власти обязаны принять соответствующие меры в отношении законных демонстраций с целью обеспечения их мирного поведения и безопасности всех граждан (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Ойя Атаман против Турции*», пункт 35; постановление Европейского Суда от 26 июля 2007 года по делу «*Махмудов против России*» (Makhmoudov v. Russia), жалоба № 35082/04, пункты 63-65; упоминаемое выше решение Европейского Суда по делу «*Скиба против Польши*»; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Гюн и другие против Турции*», пункт 69). Однако, они не могут гарантировать это абсолютно, и у них есть широкие пределы усмотрения при выборе используемых средств (см. постановление

Европейского Суда от 24 февраля 2009 года по делу «*Протопапа против Турции*» (*Protopapa v. Turkey*), жалоба № 16084/90, пункт 108). В этой сфере, обязательство, которое они берут на себя в соответствии со статьей 11 Конвенции, является обязательством принимать меры, а не получать определенные результаты (см. постановление Европейского Суда от 21 июня 1988 года по делу «*Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии*» (*Plattform 'Ärzte für das Leben' v. Austria*), пункт 34, Серия А № 139, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Фабер против Венгрии*», пункт 39).

160. В частности, Суд подчеркнул важность принятия предупредительных мер безопасности, как, например, обеспечение присутствия машин скорой помощи на месте проведения демонстраций для того, чтобы гарантировать безопасное проведение какого-либо мероприятия, митинга или иного собрания, будь то политического, культурного или иного характера (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Ойя Атаман против Турции*», пункт 39)).

(ii) Применение данных принципов к пяти оставшимся эпизодам

129. На основе принципов, изложенных в устоявшейся практике, Суд рассмотрит, были ли меры, предпринятые в отношении заявителя в каждом из пяти оставшихся эпизодов (то есть, первый, второй, третий, четвертый и седьмой эпизоды), пропорциональны любой из законных целей, на которые ссылались Власти, а именно «предотвращение беспорядков или преступлений» и «защита прав и свобод других лиц», а также были ли причины, приведенные национальными властями в свое оправдание, «существенными и достаточными». При этом он даст оценку, отвечало ли задержание, содержание заявителя под стражей и санкции, наложенные в указанных случаях, насущной социальной потребности.

(a) Первый эпизод

130. 5 марта 2012 года заявитель был задержан и доставлен в отделение полиции, так как он отказался покинуть место проведения санкционированного мирного митинга в течение примерно двух часов после истечения установленного срока. Не оспаривался тот факт, что он, таким образом, нарушил правила проведения публичных мероприятий.

131. Можно отметить, что в данном случае масштабы протестного движения — около 500 участников — были значительно меньше, чем на предыдущем санкционированном митинге. Заявитель и его коллеги призывали участников с помощью громкоговорителей оставаться для демонстрации «мирного протеста», и их поведение оставалось ненасильственным. Протестующие заняли площадь, которая являлась зоной общественного отдыха, ограниченной оживленными транспортными маршрутами, и при этом они не блокировали прилегающие дороги и пешеходные дорожки (см. пункты 13-14 выше). По-видимому, неудобства, причиняемые заявителем и его

последователями, привели к определенному нарушению нормальной жизни, но в конкретных обстоятельствах не превышали такого уровня незначительных нарушений, которое следует из нормального осуществления права на мирные собрания в общественном месте (см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2012 года по делу «Фабер против Венгрии» (*Fáber v. Hungary*), жалоба № 40721/08, пункт 47; постановление Европейского Суда по делу «Букта и другие против Венгрии» (*Bukta and Others v. Hungary*), жалоба № 25691/04, пункт 37, ECHR 2007-III; ср. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Кудревичиус и другие против Литвы», пункты 149, 164-75).

132. Кроме того, не было признаков неизбежной вспышки насилия или повышения уровня беспорядков. Число сотрудников ОМОНа, присутствовавших на объекте, в полной мере вооруженных спецсредствами, было сопоставимым с количеством протестующих, которые были безоружными и неагрессивными. Принимая во внимание тот факт, что власти полностью контролировали ситуацию, не было никакого видимого риска ухудшения ситуации.

133. С учетом вышеизложенного,

[REDACTED]. Это также подтверждается рапортами полицейских и постановлениями по административному делу заявителя. Власти утверждали, что полиция терпеливо ожидала окончания незаконного собрания в течение двух часов, прежде чем прибегнуть к задержанию. Тем не менее, решение о прекращении собрания и о задержании заявителя было обусловлено отсутствием того, что они считали надлежащим уведомлением, независимо от степени беспорядков, устроенных протестующими. Как было установлено выше, согласно Закону о массовых мероприятиях, они не обязаны были проводить такую оценку баланса публичных мероприятий (см. пункт 116 выше). Осуществляя свободу усмотрения, предоставленную им национальным законодательством, власти никоим образом не действовали в соответствии с сущностью права на свободу мирных собраний или с учетом привилегированной защиты в соответствии с Конвенцией политической агитации и пропаганды, дебатов по вопросам, представляющим общественный интерес, и мирного проявления защиты по данным вопросам (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Кудревичиус и другие», пункт 156; упоминаемое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Магьяр Хельсинки Бизоттсэг против Венгрии» (*Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary*), жалоба № 18030/11, пункт 163, ECHR 2016; по вопросу узких пределов

усмотрения властей при ограничении политической агитации и пропаганды, см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Кейлан против Турции*» (*Ceylan v. Turkey*), жалоба № 23556/94, пункт 34, ECHR 1999-IV, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Швейцарское движение разлитов против Швейцарии*» (*Mouvement raëlien suisse v. Switzerland*), жалоба № 16354/06, пункт 61, ECHR 2012 (выдержки)). При таких обстоятельствах не имеет значения, является ли соответствующей сумма штрафа в размере 25 евро нарушению правил проведения публичных мероприятий.

(β) Второй, третий и четвертый эпизоды

134. В трех указанных случаях заявитель был задержан во время проведения «пешеходных» собраний. Протестующие выбрали такую форму деятельности преимущественно потому, что они считали, что она свободна от формальностей. Они шли произвольными группами по 50-170 человек по центральным улицам, которые в рассматриваемый период были закрыты в связи с запланированными празднованиями, без использования плаката и звукового оборудования, не скандируя лозунги или призывы (см. пункты 19-21 и 25 выше). Один раз заявитель был задержан в то время, когда группа фотографировалась (см. пункт 20 выше), а в другом случае — во время «неформальной встречи с депутатом Государственной Думы» (см. пункт 25 выше).

135. Оспаривалось, и все еще остается открытым вопрос о том, применялось ли требование предварительного уведомления к таким собраниям. Как отмечалось выше, полиция обладает широкой свободой усмотрения при принятии решений о том, какое действие является публичным мероприятием (см. пункты 117-18 выше). Более того, как было указано ранее, любое нарушение порядка проведения публичных мероприятий — отсутствие уведомления является лишь одним из примеров — или любое незаконное действие участника, независимо от того, насколько оно является незначительным или безобидным, может служить основанием для решения властей прекратить публичное мероприятие (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Лашманкин и другие против России*» (*Lashmankin and Others v. Russia*), пункт 461).

136. Суд неоднократно отмечал выше, что цель процедуры уведомления заключается в том, чтобы позволить властям принять разумные и надлежащие меры с тем, чтобы гарантировать беспрепятственное проведение собрания, митинга или других собраний (см. пункт 99 выше). Положения такого рода не должны представлять собой скрытое препятствие для свободы мирных собраний, охраняемой Конвенцией (см. постановление Европейского Суда от 27 января 2009 года по делу «*Самют Карабулут против*

Турции» (*Samüt Karabulut v. Turkey*), жалоба № 16999/04, пункт 35, и постановление Европейского Суда от 10 июля 2012 года по делу «Берладир и другие против России» (*Berladir and Others v. Russia*), жалоба № 34202/06, пункт 39), и следует проводить различие между ограничениями на свободу собраний, которые должны подвергаться самому тщательному изучению Судом, и ограничениями технического характера (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против России», пункт 135).

137. Суд ранее постановлял, что исключения из права на свободу собраний должны толковаться узко, а необходимость любых ограничений должна быть убедительно установлена (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Кудревичиус и другие против Литвы», пункт 142). В двусмысленной ситуации, такой, как три приведенных примера, более важным является принятие мер, основанных на степени беспорядков, вызванных оспариваемым поведением, а не на формальных причинах, таких как невыполнение порядка уведомления о мероприятии. Вмешательство в право на свободу собраний в виде прерывания, разгона или задержания участников в конкретном случае может быть оправдано только на конкретных и доказанных материальных основаниях, таких как серьезные риски, упомянутые в пункте 1 раздела 16 Закона "О массовых мероприятиях". Это не относилось ни к одному из рассматриваемых эпизодов.

(γ) Седьмой эпизод

138. В последнем эпизоде заявитель принимал участие в спонтанной неподвижной демонстрации, в которой участвовало около 150 человек и которая была организована в знак протеста против приговора нескольких активистов к тюремному заключению, вынесенного в тот же день. Протестующие собрались на тротуаре на Тверской улице. Звукового оборудования, организованных скандирования или речей не было. Заявитель был задержан, когда он разговаривал с журналистом (см. пункт 37 выше). С официальной точки зрения, эта демонстрация была незаконной, поскольку не было представлено предварительного уведомления в соответствии с Законом о публичных мероприятиях.

139. Суд повторяет, что при принятии решения о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе» для достижения законной цели, он признал, что при выборе средств для достижения законной цели национальные органы власти пользуются определенной свободой усмотрения, указывая на то, что эта свобода усмотрения подпадает под действие европейского надзора, охватывающего как законодательство, так и решения о его применении (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу

«Роман Захаров против России» (Roman Zakharov v. Russia), жалоба №47143/06, пункт 232, ECHR 2015).

140. Суд ранее установил, что российская система уведомлений включала необычно длинный, по сравнению с другими странами, десятидневный период между окончанием срока уведомления и запланированной датой собрания; единственным исключением из этого правила является неподвижная демонстрация («пикетирование»), уведомление о которой могло быть направлено за три дня до планируемой даты. Суд отметил, что Закон "О массовых мероприятиях" не предусматривает особых обстоятельств, когда немедленное реагирование на текущее событие выражается в форме спонтанного собрания. Суд также отметил, что при осуждении участников публичного мероприятия, проведенного без предварительного уведомления, национальные суды ограничились своей оценкой установлением того, что они принимали участие в собрании, о котором не было сообщено в установленный законом срок. Они не рассмотрели вопрос о наличии особых обстоятельств, требующих немедленной реакции на текущее событие в форме спонтанного собрания и оправдывающей отступление от строгого применения предельных сроков уведомления. В самом деле, положения национального законодательства, регулирующие сроки уведомления, сформулированы с жесткими условиями, не допускают исключений и не оставляют места для уравнивания, согласующегося с критериями, сформулированными в устоявшейся практике Европейского Суда в соответствии со статьей 11 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *«Лашманкин и другие против России»*, пункты 451-54).

141. В упоминавшемся выше деле *«Лашманкин и другие против России»* Суд не нашел оснований, по которым было бы «необходимо в демократическом обществе» установить жесткие сроки уведомления о проведении публичных мероприятий и не допустить никаких исключений в их применении, чтобы учесть ситуации, когда невозможно соблюсти срок, например, в случае оправданных стихийных собраний или в других обстоятельствах. Он счел, что автоматическое и негибкое применение временных рамок уведомления без учета конкретных обстоятельств каждого дела может само по себе являться вмешательством в нарушение пункта 2 статьи 11 Конвенции (там же, пункты 456 и 473).

142. Вмешательство властей в проведение спонтанной демонстрации также являлось примером такого автоматического и негибкого применения формальных требований, которые были признаны несовместимыми с самой сутью права на свободу мирных собраний в вышеуказанном постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Лашманкин и другие против России»*.

Опять же, как и в рассматриваемом деле, пробел в законодательстве в регулировании стихийных собраний был усугублен жестким и формалистическим исполнением положений о прекращении публичных мероприятий, проводимых без уведомления.

(б) Заключительные замечания по поводу необходимости ограничений в пяти оставшихся эпизодах

143. При данных обстоятельствах, Суд считает, что общая черта вышеупомянутых событий заключается в том, что ни одно из них не повлекло, если вообще таковое имело место (см. в частности пункт 109 выше), нарушение нормальной жизни, выходящее за пределы уровня незначительных беспорядков. Как Суд подчеркивал во многих случаях, незаконная ситуация, такая как проведение демонстрации без предварительного разрешения, не обязательно оправдывает вмешательство в право лица на свободу собраний. В частности, если не отвечающие правилам демонстранты не участвуют в актах насилия, Суд требует, чтобы органы власти проявляли надлежащую степень терпимости к мирным собраниям, если свобода мирных собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не должна лишиться своего истинного смысла (см. постановление Европейского Суда по делу *«Кудревичиус и другие против Литвы» (Kudrevičius and Others)*, пункт 150, цитируемое выше в пункте 128, с дальнейшими ссылками). В этом отношении настоящее дело вряд ли можно отличать от предыдущих дел, в которых Суд установил, что такая терпимость должна распространяться на случаи, когда демонстрация проводится в общественном месте в отсутствие какого-либо риска незащищенности или нарушений общественного порядка (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу *«Фабер против Венгрии»*, пункт 47) или без угрозы для общественного порядка за пределами уровня незначительных беспорядков (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *«Букта и другие против Венгрии»*, пункт 37) или без нарушения определенного уровня дестабилизации обычной жизни, в том числе движения транспорта (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *«Кудревичиус и другие против Литвы»*, пункт 155; и упоминавшееся выше постановление по делу *«Малофеева против России»*, пункты 136-37).

144. Тем не менее, в каждом из этих пяти случаев собрание было разогнано, и заявитель был задержан, заключен под стражу и признан виновным в совершении административных правонарушений, при этом в соответствующих решениях не указано, что была проведена оценка нарушения уровня общественного порядка, а также во время одного случая, когда мероприятие носило спонтанный характер (по последнему пункту см. пункт 37 выше), просто потому, что они не

имели разрешения на проведение и продолжали мероприятие, несмотря на приказы полиции остановиться. Таким образом, представляется, что власти не проявили необходимой степени терпимости к тому, что они считали несанкционированным собранием, по-видимому, игнорируя то, что Суд подчеркнул во многих случаях, а именно, что исполнение правил, регулирующих проведение публичных собраний, не должно становиться самоцелью (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу *«Кудревичиус и другие против Литвы»*, пункт 155).

145. Более того, и несмотря на вышесказанное, заявитель подвергался санкциям, которые, хотя и были классифицированы как административные в соответствии с национальным законодательством, являются «уголовными» по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции, таким образом, применяя это положение в его «уголовном» аспекте (см. пункт 80 выше). Однако мирная демонстрация, в принципе, не должна подвергаться угрозе уголовного наказания и, в частности, лишения свободы. В случаях, когда санкции, примененные к демонстранту, носят уголовный характер, они требуют особого обоснования (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу *«Кудревичиус и другие против Литвы»*, пункт 146). Свобода принимать участие в мирном собрании имеет такое значение, что человек не может быть подвергнут наказанию – даже на нижней границе диапазона дисциплинарных взысканий – за участие в демонстрации, которая не была запрещена, до тех пор, пока это лицо не совершает никаких предосудительных действий (там же, пункт 149).

146. Таким образом, на основании фактов, относящихся к пяти эпизодам, Суд не может прийти к выводу о том, что право заявителя на свободу мирных собраний, охраняемое Конвенцией, перевешивалось любыми интересами государства-ответчика в ограничении осуществления этой свободы с целью предотвращения беспорядков или преступлений или для защиты прав и свобод других лиц. Основания, на которые ссылается государство-ответчик, не соответствовали настоящей общественной потребности. Даже если предположить, что они имели отношение к делу, они недостаточны для того, чтобы показать, что вмешательство, в отношении которого подана жалоба, было «необходимым в демократическом обществе». Несмотря на пределы усмотрения национальных властей, Суд считает, что не было никакого разумного отношения пропорциональности между ограничениями права заявителей на свободу собраний и любой преследуемой законной целью. Соответственно, Суд считает, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции в отношении этих пяти эпизодов.

(iv) Общие выводы

147. Одним словом, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции в отношении пятого и шестого эпизодов, поскольку рассматриваемые ограничения не преследовали законную цель (см. пункт 126 выше), а также в отношении остальных пяти эпизодов по причине того, что государство-ответчик не продемонстрировало, что ограничения были необходимы в демократическом обществе (см. пункт 146 выше).

148. Что касается последних пяти эпизодов, следует добавить, что они раскрывают постоянное нежелание национальных властей проявлять терпимость к несанкционированным, но мирным собраниям и, в более общем смысле, применять стандарты, которые соответствуют принципам, закрепленным в статье 11 Конвенции. Из соответствующих положений части 3 статьи 19 и части 2 статьи 20 Кодекса об административных правонарушениях либо из решений, где таковые применяются, не усматривается, что должным образом должны учитываться и были учтены такие интересы, как необходимость предотвращения беспорядков и преступлений, а также для защиты прав и свобод других лиц. Судя по всему, компетентные органы не установили справедливый баланс между этими интересами, с одной стороны, и интересами заявителя при осуществлении им права на свободу мирных собраний, с другой стороны.

149. Такие недостатки уже устанавливались в ряде предыдущих дел, когда полиция останавливала и задерживала протестующих по той единственной причине, что их демонстрация была несогласованной, и при которой формальная незаконность выдвигалась в качестве единственного обоснования (см. вышеупомянутые постановления Европейского Суда по делам *Малофеевой*, пункты 137 и 140; *Каспарова и других*, пункт 95; *Навального и Яшина*, пункт 65; *Новиковой и других*, пункты 136, 171, 175 и 179-83, от 26 апреля 2016 года; а также вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу *Лашманкина и других*, пункты 459-63). Суд уже до периода, в течение которого обжалуемые эпизоды имели место, вынес постановления, в которых он установил, что государство-ответчик нарушило статью 11 и в котором он, в частности, рассмотрел требования, которые, согласно его устоявшейся практике, должны быть выполнены в отношении мер по вмешательству в право на мирные собрания (см., в частности, постановление Европейского Суда от 26 июля 2007 года по делу «*Махмудов против России*» (*Makhmudov v. Russia*), жалоба № 35082/04, постановление Европейского Суда от 26 июля 2007 года по делу «*Баранкевич против России*» (*Barankevich v. Russia*), жалоба № 10519/03, пункт 28; упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Сергей Кузнецов против России*», упоминаемое выше постановление Европейского Суда от 21

октября 2010 года по делу «*Алексеев против России*» (*Alekseyev v. Russia*, жалобы №№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09; касательно постановлений, вынесенных до того, как имели место шестой и седьмой эпизоды, см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Малофеева против России*»; упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Каспаров и другие против России*»). Таким образом, власти государства-ответчика могли знать и учитывать соответствующие стандарты Конвенции. Тем не менее, судя по всему, национальная практика продолжает нарушать стандарты Конвенции, и даже внесение изменений в законодательство было сопряжено с дополнительными ограничениями.

150. Суд считает, что существует [REDACTED]

[REDACTED] (пункты 471-77). Таким образом, широкое толкование того, что представляет собой собрание, подлежащее уведомлению, и отсутствие терпимости к собраниям, которые не соответствуют процедуре, еще раз освещает вышеупомянутую структурную проблему. Отсутствие гарантий, определяющих свободу усмотрения властей в посягательстве на мирные собрания, которые не являются «нарушением» и не причиняют вреда, усугубляется широким толкованием на практике в отношении того, что представляет собой «собрание, подлежащее уведомлению», и чрезмерно широким выбором при наложении ограничений на такие собрания путем жесткого принудительного взыскания, включая, как это было сделано, немедленное задержание и лишение свободы, а также санкции уголовного характера, как описано выше (см. пункты 79-80 выше). Можно также задать вопрос о том, было бы применение внутригосударственных средств правовой защиты также неэффективным и лишенным каких-либо шансов на успех в силу этих особенностей применимой нормативно-правовой базы.

151. С учетом вышеизложенного, нельзя сказать, что соответствующее национальное законодательство обеспечивало эффективные средства защиты от злоупотреблений, как это подтверждается указанными выше выводами о том, что законная цель отсутствовала в пятом и шестом эпизодах (см. пункт 126 выше).

152. Следует также подчеркнуть, что задержание заявителя, содержание под стражей и последующее осуждение заявителя за совершение административных правонарушений не могли помешать ему и другим лицам принимать участие в митингах протеста или даже активно участвовать в оппозиционной политической деятельности. Несомненно, данные меры имели также серьезные последствия для

удерживания других сторонников оппозиции и общества в целом от посещения митингов, и, в более общем смысле, от участия в открытой политической дискуссии. Сдерживающий эффект этих санкций дополнительно усиливался тем, что они были направлены на известную публичную фигуру, лишение свободы которой должно было вызвать широкий резонанс в средствах массовой информации.

153. Соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции по всем семи эпизодам.

В.Т. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

154. Заявитель жалуется, что его задержание и содержание под стражей, а также административные обвинения, выдвинутые против него, подрывали его право на свободу собраний с целью сокращения своей политической деятельности. Он утверждал, что имело место нарушение статьи 18 Конвенции, которая гласит:

Статья 18

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены.»

А. Постановление Палаты Европейского Суда

155. Палата отметила, что эти жалобы были связаны с жалобами, рассмотренными в соответствии со статьями 5 и 11 Конвенции, и поэтому она признала их приемлемыми. Однако, ссылаясь на свои выводы в соответствии со статьями 5 и 11 Конвенции о том, что задержание заявителя и содержание его под стражей в административном порядке имели целью предотвратить и отбить у него и желание других лиц принимать участие в митингах протеста и оппозиционной политике в нарушение этих положений, Суд счел, что не было необходимости рассматривать вопрос о том, имело ли место нарушение статьи 18 в совокупности со статьями 5 и 11 Конвенции.

В. Доводы сторон

1. Доводы заявителя

156. Заявитель считал, что его жалоба в соответствии со статьей 18, в совокупности со статьями 5 и 11, представляла собой основополагающий аспект его дела. Он утверждал, что начиная с митингов протеста в 2011-2012 годах, в которых он играл ведущую роль, власти стали с подозрением относиться к его участию в каком бы

то ни было неформальном собрании. Они стремились наказать его за политическую критику и предпринимали меры, чтобы отвлечь его сторонников. Он целенаправленно подвергался критике со стороны властей, которые действовали в целях подавления политического инакомыслия. Он ссылаясь, в частности, на видеозапись его задержания перед зданием суда 24 февраля 2014 года (шестой эпизод). Он также утверждал, что был арестован, хотя такие встречи носили мирный характер и не поднимали вопросов нарушения общественного порядка. Процедуры, установленные законом для составления протокола об административном правонарушении, были применены с тем, чтобы удалить его с места проведения мероприятия и задержать его без законной цели. Поскольку он пропагандировал идеи и ценности демократического общества - понятия, которым придавалась особая важность в постановлении по делу *Мерабишвили*, - а также являлся самым заметным деятелем оппозиции, пропагандирующим эти ценности, он подвергался унижению именно из-за его активного участия в политической жизни и влияния, которое он имел на политические взгляды россиян.

157. По мнению заявителя, поскольку власти считали его главным политическим оппонентом, он подвергался неоднократным случаям запугивания и преследования. Он ссылаясь, *inter alia*, на постановление Суда по делу «*Навальный и Яшин против России*» (упоминаемое выше, пункт 73) и постановление Европейского Суда от 23 февраля 2016 года по делу «*Навальный и Офицеров против России*» (*Navalnyy and Ofitserov v. Russia*) (жалобы №№ 46632/13 и 28671/14, пункт 119) в качестве доказательства конкретного политического элемента его преследования. Для него настоящее дело – еще одна демонстрация намерения властей наказать его за политическую деятельность и помешать ему и другим лицам вести открытые общественные дебаты. Таким образом, указанные органы власти действовали недобросовестно. Он ссылаясь, в частности, на подготовительные работы (*travaux préparatoires*) к статье 18 Конвенции, указав, что основополагающая задача авторов заключалась в том, чтобы обеспечить защиту граждан от наложения ограничений, вытекающих из желания государства защитить «политическую тенденцию, которую оно представляет» от «оппозиции, которую оно считает опасной». По словам заявителя, в России существовала административная практика прерывания мирных политических собраний и отсутствия терпимости по отношению к мирным собраниям без уведомления. В этой связи он указал на повторяющийся и целенаправленный характер его задержаний, осуществляемых таким образом, чтобы привлечь широкое внимание СМИ и, таким образом, повысить сдерживающий характер санкций против него.

2. Власти

158. Власти считали, что жалоба заявителя на нарушение статьи 18 в настоящем деле не соответствовала требованию, изложенному в постановлении по делу *Мерабишвили*, а именно, что утверждение о скрытой цели ограничения должно представлять собой фундаментальный аспект дела (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Мерабишвили против Грузии*», пункт 291). В частности, они повторили свои предыдущие доводы, изложенные выше, по поводу того, что заявитель подал жалобу согласно статье 18 только в двух из своих жалоб и только в совокупности со статьей 5. Более того, он не сформулировал отдельно и явно жалобу в отношении ненадлежащих скрытых мотивов в ходе разбирательств на национальном уровне.

159. Власти предложили Суду следовать подходу, примененному в ряде сопоставимых дел, то есть воздержаться от рассмотрения жалобы по статье 18 в части, перекрывающей линии жалоб, поданных на основании материально-правовых статей. Они ссылались на десять предыдущих дел против России, в которых Суд объявил жалобу согласно статье 18 приемлемой, но отклонил ее по существу на том основании, что она не поднимала отдельного вопроса в отношении материальных статей, на которые полагалась статья 18.

160. По мнению Властей, статья 18 Конвенции ни в коей мере не имеет автономной роли, равно как и практического применения, так как понятие неправомерного использования полномочий относится к сфере уголовного права и не имеет отношения к правам человека. Также, утверждения о скрытых мотивах, по своему характеру, не подлежат доказыванию, за исключением крайне редких дел, таких как «*Гусинский против России*» (*Gusinskiy v. Russia*), жалоба № 70276/01, ECHR 2004-IV); в настоящем деле доводы, выдвинутые заявителем, были не более чем спекуляцией или личным мнением, которое лишено каких-либо вещественных доказательств. Заявитель не представил никаких доказательств, подтверждающих предполагаемое присутствие ненадлежащих или скрытых мотивов для того, чтобы отвечать высоким стандартам доказывания, предметом которого является статья 18. Тот факт, что заявитель был оппозиционным политиком, сам по себе не мог быть достаточным, чтобы доказать недобросовестность со стороны властей при применении в его отношении правоохранительных мер.

161. Оспаривая утверждение о том, что заявителя специально преследовали, Власти отметили, что с ним обращались так же, как и со многими протестующими; они ссылались на устоявшуюся практику Европейского Суда, процитированную в постановлении Палаты, предполагая наличие практики, в соответствии с которой полиция прерывает собрания или планируемые собрания и задерживает

участников в обычном порядке. Они утверждали, что заявитель был постоянным участником массовых собраний, и что он не подвергался притеснениям, пока собрание было разрешенным, и утверждали, что его постоянное и преднамеренное поведение, связанное с нарушениями порядка проведения публичных собраний, было злоумышленным и представляло собой злоупотребление правами по смыслу статьи 17 Конвенции.

162. Власти утверждали, что задержание заявителя и административные обвинения во всех семи случаях преследовали цели, предусмотренные пунктом 1 статьи 5 и статьей 11 Конвенции.

С. Оценка Большой Палаты

163. Суд начнет свою оценку, отметив, что суть жалобы заявителя состоит в том, что во всех семи случаях действия в отношении него были направлены против его политической активности, и что его задержания и другие меры, принятые в его отношении, преследовали цели подавления его политических усилий, в нарушение статьи 18 в совокупности со статьями 5 и 11.

164. В настоящем деле сторонам было предложено рассмотреть в своем ходатайстве перед Большой Палатой вопрос цели и, в частности, определить преобладающую цель в отношении задержаний, заключения под стражу и применения административных санкций. Принимая во внимание свои доводы в свете последних изменений в устоявшейся практике, касающиеся общих принципов, применимых к жалобам по статье 18 Конвенции (см. упоминавшееся выше решение по делу *«Мерабишвили против Грузии»*), Суд считает, что жалоба заявителя в соответствии с этой статьей является фундаментальным аспектом настоящего дела. Он также считает, что суть данной жалобы не была рассмотрена в приведенной выше оценке жалоб в соответствии со статьями 5 и 11 Конвенции. Таким образом, данный аспект будет рассмотрен отдельно. В этой связи и принимая во внимание последовательность событий в целом, Суд сконцентрирует свое внимание на пятом и шестом эпизодах, в отношении которых он пришел к выводу, что вмешательство в право заявителя на свободу мирных собраний не преследовало законной цели, в нарушение статьи 11, и установил, что его арест и содержание под стражей были произвольными и незаконными, в нарушение пункта 1 статьи 5. При этом Суд будет учитывать общие принципы, изложенные в пунктах 287 - 317 постановления по делу *Мерабишвили*, в частности, следующие пункты (опуская цитаты из материалов дела):

«287. Аналогично статье 14, статья 18 Конвенции не существует независимо ...; она может применяться только в сочетании со статьей Конвенции или Протоколами к ней, в которых излагаются или квалифицируются права и

свободы, которые Высокие Договаривающиеся Стороны условились гарантировать отношении тех, кто находится под их юрисдикцией ... Это правило вытекает как из ее формулировки, которая дополняет положения таких статей, как, например, второе предложение пункта 1 статьи 5, и вторые пункты статей 8-11, которые допускают ограничения этих прав и свобод, и из ее места в Конвенции в конце раздела I, который содержит статьи, определяющие и квалифицирующие эти права и свободы.

288. Однако статья 18 не просто разъясняет сферу применения этих ограничительных положений. В частности, она напрямую запрещает Высоким Договаривающимся Сторонам ограничивать права и свободы, закрепленные в Конвенции, в целях, не предусмотренных Конвенцией, и в этом смысле носит автономный характер ... Таким образом, как и позиция в отношении статьи 14, нарушение статьи 18 может иметь место даже в случае отсутствия нарушения статьи, в связи с которой она применяется ...

289. Наконец, будучи осведомленным, как уже подчеркивалось, об определенном несоответствии в предыдущих постановлениях, касающихся использования терминов «независимо» и «автономно» в данном контексте, Суд пользуется возможностью, предоставляемую настоящим делом, совместить формулировку, используемую в отношении статьи 18, с формулировкой, используемой в отношении статьи 14, как это было сделано выше.

290. Из положений статьи 18 следует, что нарушение может возникнуть только в том случае, если рассматриваемое право или свобода являются предметом ограничений, разрешенных в соответствии с Конвенцией...

291. Один лишь факт того, что ограничение конвенционного права или свободы не отвечает всем требованиям пункта, разрешающего таковые, не приводит в обязательном порядке к нарушению в соответствии со статьей 18. Отдельное рассмотрение жалобы в соответствии с указанной статьей гарантируется исключительно в случае, когда претензия о том, что ограничение было применено с целью, которая не предусмотрена Конвенцией, является фундаментальным аспектом дела (там же, пункт 291).

165. Более того, при определении общих принципов толкования статьи 18 в вышеупомянутом постановлении, Суд в дальнейшем рассмотрел ситуации, когда оспариваемые ограничения преследовали «множественность целей», и адаптировал свой подход, представив критерий существования скрытой цели, по сравнению с конвенциональной целью. Он также утверждал, что данный вопрос должен оцениваться в соответствии с обычным стандартом доказывания, а не в соответствии с более строгим стандартом, который он применил в соответствии с данной статьей в ряде предыдущих дел. В то время как сформулированы следующие принципы в отношении ситуаций множественности целей, они также представляют руководство для таких ситуаций, как пятый и шестой эпизоды в деле заявителя, при которых не было продемонстрировано никакой законной цели или задачи:

(i) Множественность целей

«302. [Вышеизложенный] обзор [устоявшейся практики] показывает, что, хотя законные цели и основания, изложенные в положениях об ограничении Конвенции, являются исчерпывающими, они также определены в широком смысле и были истолкованы с определенной степенью гибкости. В центре внимания Суда, скорее всего, находился последующий и тесно связанный вопрос о том, является ли данное ограничение необходимым или обоснованным, то есть, основанным на существенных и достаточных причинах и соразмерным для достижения целей или оснований, для которых оно предназначено. Эти цели и основания являются эталонными критериями, для которых измеряются необходимость или обоснование ...

303. Такой способ разбирательства должен направлять Суд в его подходе к толкованию и применению статьи 18 Конвенции в отношении ситуаций, в которых ограничение преследует более одной цели. Некоторые из этих целей могут быть приведены в соответствии с соответствующим положением об ограничениях, в то время как другие не являются таковыми. В таких ситуациях существование цели, которое не подпадает под действие соответствующего положения об ограничении, само по себе не может привести к нарушению статьи 18. Существует значительная разница между делами, в которых предписанная цель была таковой, что действительно заставляла власти предпринимать действия, хотя они также хотели получить какое-то иное преимущество, и делами, в которых предписанная цель существовала в действительности просто как прикрытие, позволяющее органам власти достичь посторонней цели, на которую и были направлены их основные усилия. Вывод о том, что присутствие какой-либо другой цели, само по себе, противоречит статье 18 Конвенции, не оправдывает эту фундаментальную разницу и не соответствует задаче и цели статьи 18, которая запрещает злоупотребление полномочиями. В самом деле, это может означать, что каждый раз, когда Суд исключает какую-либо цель или основание, представленное Властями в соответствии с основным положением Конвенции, он должен признать нарушение статьи 18, поскольку заявления Властей являлись бы доказательством того, что власти преследовали не только цель, которую Суд признал законной, но и другую.

304. По той же причине, вывод о том, что ограничение преследует цель, предусмотренную Конвенцией, также не исключает нарушения статьи 18. В самом деле, иной вывод лишает данное положение его автономного характера.

305. Поэтому Суд придерживается мнения, что ограничение может являться совместимым с существенным положением Конвенции, которое разрешает такое ограничение, так как последнее преследует цель, разрешенную в соответствии с таким положением, но все же нарушает статью 18, так как было предусмотрено главным образом для другой цели, которая не предусмотрена в Конвенции; другими словами, если такая другая цель являлась преобладающей. Напротив, если предусмотренная цель являлась основной, то ограничение не противоречит статье 18, даже если одновременно преследует другую цель.

306. Такое толкование соответствует устоявшейся практике национальных судов Договаривающихся государств и Суда Европейского союза ..., которую Суд может учитывать при толковании Конвенции... Это особенно уместно в данном деле, поскольку подготовительные работы к Конвенции ясно указывают

на то, что статья 18 была предназначена для того, чтобы являться ее версией административного понятия злоупотребления властью...

307. Какая из целей является преобладающей в определенном случае, зависит от всех обстоятельств. При решении такого вопроса Суд должен принять во внимание характер и степень предосудительности предполагаемой скрытой цели, а также принять во внимание то, что Конвенция предназначена для сохранения и продвижения идеалов и ценностей демократического общества, регулируемого верховенством права.

308. В непрерывных ситуациях нельзя исключать, что оценка указанной цели может меняться с течением времени».

(ii) Вопросы доказывания

«...

310. ... Суд считает, что он может и должен придерживаться своего обычного подхода к доказательству, а не к особым правилам...

311. Первым аспектом такого подхода является, как правило, то, что бремя доказательства не несет ни одна из сторон, так как Суд рассматривает все представленные материалы независимо от их происхождения, и так как он способен, по необходимости, получить материалы по собственной инициативе. ... Он [...] полагался на концепцию бремени доказывания в определенных конкретных обстоятельствах. В ряде случаев он признал, что строгое применение принципа *affirmanti incumbit probatio*, т.е. бремя доказывания в отношении утверждения лежит на стороне, которая делает его, является невозможным, в частности, в тех случаях, когда это оправдано конкретными доказательствами, с которыми столкнулись заявители...

312. В самом деле, несмотря на то, что Суд опирается на доказательства, которые стороны представляют добровольно, Суд обычно по своей инициативе просит заявителей или государства-ответчиков предоставить материал, который может подтвердить или опровергнуть представленные ему утверждения. Если Власти соответствующего государства-ответчика не обращают внимания на такую просьбу, Суд не может заставить их выполнить ее, но может, если они не объясняют должным образом такое непредоставление или отказ, сделать выводы ... Он также может объединить такие выводы с контекстуальными факторами. Пункт 1 правила 44С Регламента Суда дает ему значительную свободу действий по этому вопросу.

313. Возможность для Суда делать выводы на основании поведения государства-ответчика в ходе разбирательства в Суде, особенно уместна в ситуациях – например, в отношении лиц, содержащихся под стражей в органах власти, — когда только государство-ответчик имеет доступ к информации, которая может подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя... Такая возможность, вероятно, особенно актуальна в связи с утверждениями о скрытой цели.

314. Второй аспект подхода Суда заключается в том, что стандарт представленных в Суд доказательств должен быть «вне разумного сомнения». Тем не менее, такой стандарт не является равным стандарту государственных правовых систем, которые используют его. Во-первых, такое доказательство может следовать из совокупности достаточно веских, ясных и согласованных предположений или аналогичных неопровержимых фактических презумпций. Во-вторых, уровень убедительности, необходимый для вывода, объективно

связан со спецификой соответствующих фактов, характером утверждения и рассматриваемым конвенционным правом. Суд неоднократно напоминал об этих составляющих ...

315. Третий аспект подхода Суда заключается в том, что Суд может оценивать не только приемлемость и соответствие, но также возможную ценность каждого имеющегося доказательства. В упоминавшемся выше постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Начова и другие против Болгарии»* (пункт 147) Суд уточняет, что, при оценке доказательств он не связан формулой и принимает выводы, подкрепленные свободной оценкой всех доказательств, включая выводы, которые могут вытекать из фактов и доводов сторон. Суд также принимает во внимание любые потенциальные затруднения в отношении доказательств, с которыми сталкивается сторона. Суд последовательно придерживается данной позиции, применяя его к жалобам в соответствии с различными статьями Конвенции...

316. Следовательно, Суду нет необходимости ограничиваться прямым доказательством в отношении жалоб в соответствии со статьей 18 Конвенции или применять особый стандарт доказательства к таким утверждениям.

317. Следует, однако, подчеркнуть, что в данном контексте косвенные доказательства означают информацию об основных фактах или ситуативных фактах или последовательностях событий, которые могут сформировать основания для выводов об основных фактах ... Отчеты или заявления международных наблюдателей, неправительственных организаций или средств массовой информации, или решения других государственных или международных судов часто принимаются во внимание, в частности, для выяснения фактов, или для подтверждения выводов, сделанных Судом...

166. В настоящем деле вывод Суда по отношению к пятому и шестому эпизодам, что Власти не могут достоверно полагаться на цели, выдвинутые в соответствии со статьями 5 и 11, в то же время устраняет необходимость в проведении любых обсуждений относительно множественности целей этих эпизодов. Тем не менее, несмотря на то, что Власти не смогли обосновать свои доводы о том, что цели мер, принятых в этих двух случаях, заключались в «предотвращении беспорядков или преступлений» и «защите прав и свобод других лиц», в нарушение статьи 11, само по себе это не является достаточным основанием для вывода о нарушении статьи 18 (см. постановление Европейского Суда по делу *«Мерабишвили против Грузии»*, пункты 291 и 303). Тем не менее, все еще необходимо рассматривать вопрос, имелась ли - в отсутствие законной цели - какая-либо идентифицируемая скрытая цель. Кроме того, применительно к оставшимся эпизодам, понятие множественности целей по-прежнему будет иметь отношение к делу.

167. Суд отмечает, что заявитель был задержан семь раз за относительно короткий период и практически идентичным образом, что, по мнению Властей, было результатом собственного поведения заявителя, и он настойчиво продолжал себя вести подобным образом,

несмотря на его осведомленность, что это приведет к нарушению правил.

168. Тем не менее, нельзя упускать из виду, что задержания имели место в контексте осуществления заявителем права на свободу собраний, гарантированного Конвенцией. Суд считает, что в этих семи эпизодах может прослеживаться определенная закономерность. Более того, предлоги для задержания становились все более неправдоподобными, в то время как степень потенциальных или фактических беспорядков, причиненных заявителем, уменьшалась. Следует также отметить, что в первых четырех эпизодах заявитель был одним из лидеров собраний, и это могло объяснить в определенной степени, почему он был среди первых, кто был задержан. Тем не менее, это было не так в последующих эпизодах, когда заявитель не играл никакой особой роли.

169. В пятом эпизоде (27 октября 2012 года) заявитель был одним из тридцати активистов, которые последовательно принимали участие в неподвижной демонстрации. Среди участников было обнаружено несколько видных общественных деятелей, хотя никто не играл очевидную руководящую роль в данном мероприятии. Более того, согласно официальной версии, заявитель был арестован не в связи с демонстрацией, а за проведение «шествия», когда он уходил с места проведения мероприятия вместе с группой лиц, в которой были и журналисты. Ничто не указывает на то, что заявитель договорился о том, чтобы эти люди сопровождали его, или что он был в какой-то степени ответственен за своих последователей, или что он был в состоянии контролировать их совсем незадолго до его задержания (см. пункт 32 выше).

170. Столь же очевидным примером является шестой эпизод (24 февраля 2014 года) с его задержанием перед зданием суда, где он был просто одним из лиц, ожидающих разрешения на вход в здание, чтобы присутствовать на публичном судебном слушании. Полиция умышленно разделила толпу с целью забрать заявителя и отстранить его от места проведения, хотя ничто в его поведении или внешности не отличало его от других граждан, спокойно ожидавших за полицейским кордоном. В данном деле особенно трудно отклонить утверждение заявителя о том, что он стал целенаправленной мишенью как известный активист, даже в самой безобидной ситуации, лишь отдаленно напоминавшей общественное собрание (см. пункт 156 выше).

171. В этом контексте замечание Суда в деле *Мерабишвили* о том, что в данной ситуации преобладающая цель может изменяться с течением времени (пункт 308), имеет особое значение. Вполне возможно, что преобладающая цель мер, принятых в отношении заявителя, на самом деле изменилась в течение рассматриваемого

периода. То, что в начале, возможно, казалось законной целью или задачей, с течением времени оказалось менее убедительным обоснованием. Таким образом, как указано в пунктах 126 и 127 выше, в то время как Суд сильно сомневается в том, что какая-либо законная цель, как утверждалось Властями, существовала в первых четырех эпизодах, Суд установил, что такая цель не присутствовала в пятом и шестом эпизодах и была вновь весьма сомнительной в седьмом эпизоде. Кроме того, как было отмечено выше, нарушения в настоящем деле имели место, несмотря на повышение осведомленности властей о том, что рассматриваемые действия были несовместимы со стандартами Конвенции (см. пункт 149 выше). В этой связи Суд считает, что следует также учитывать более широкий контекст (там же, пункт 317), в частности, его аналогичные выводы в постановлении по делу *Навальный и Яшин* (см. выше), в отношении демонстрации, состоявшейся за три месяца до того, как имел место первый из семи эпизодов в настоящем деле. В равной степени имеют отношение к общему контексту выводы Суда касательно последовательности событий, раскрытой в двух раундах уголовных разбирательств, которые параллельно проводились против заявителя. В одном деле Суд установил, что национальные суды «не стали рассматривать» и «подчеркнули... озабоченность по поводу того, что истинная причина привлечения заявителя к ответственности и его осуждения являлась политической» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «*Навальный и Офицеров*», пункты 116-19). В другом деле Суд постановил, что уголовное наказание заявителя являлось «произвольным и явно необоснованным», что законодательство «толковалось широко и непредсказуемо» и применялось произвольным образом, что нанесло вред судопроизводству «таким фундаментальным способом, что сделало другие уголовно-процессуальные гарантии не имеющими отношения к делу» (см. постановление Европейского Суда от 17 октября 2017 г. по делу «*Навальные против России*» (*Navalnyye v. Russia*), жалоба № 101/15, пункты 83-84).

172. Кроме того, сохраняются контекстуальные доказательства, которые подтверждают мнение о том, что реакция властей на поведение заявителя становилась все более жесткой, с учетом его позиции как лидера оппозиции, а также на поведение других политических активистов и, в целом, их подход к общественным собраниям политического характера становился все более строгим. Суд ранее отмечал значительные законодательные изменения, которые произошли в соответствующий период, увеличивая и расширяя ответственность за нарушение порядка проведения публичных мероприятий (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Лашманкин и другие против России*» (*Lashmankin and*

Others v. Russia), пункты 301-06). В частности, максимальная сумма штрафа, подлежащего уплате за такие преступления, была увеличена в двадцать раз; были представлены новые виды преступлений с отягчающими обстоятельствами, с соответственно суровыми санкциями; и был продлен срок давности по данным преступлениям. Дальнейшие ограничения законодательной базы в отношении свободы собраний, введенные в действие в июле 2014 года, включая уголовную ответственность за преступления, связанные с собраниями, хотя и не выходили за рамки рассматриваемого временного периода, можно отметить в качестве постоянной тенденции. Опасения относительно повышения суровости санкций и введения дополнительных ограничений на свободу собраний в России были выражены несколькими органами Совета Европы, в последний раз - в Меморандуме Комиссара по правам человека о свободе собраний в Российской Федерации от 5 сентября 2017 года (см. пункт 50 выше). Последний доклад охватывает соответствующий период и, в частности, ссылается на разгон спонтанных, но мирных собраний, посвященных приговору по «Болотному делу» (седьмой эпизод, 24 декабря 2014 года).

173. На этом фоне утверждение заявителя о том, что его осуществление свободы собраний стало объектом особого преследования, представляется закономерным в более широком контексте попыток российских властей в соответствующее время взять политическую деятельность оппозиции под контроль. На данном этапе Суд считает уместным принять во внимание характер и степень предосудительности предполагаемой скрытой цели, принимая во внимание то, что Конвенция была разработана для поддержания и продвижения идеалов и ценностей демократического общества, регулируемой верховенством права (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии», пункт 307).

174. В основе жалобы заявителя на нарушение статьи 18 лежит его предполагаемое преследование не как частного лица, а как политического деятеля, который стремится выполнять важную общественную функцию посредством демократического диалога. Таким образом, рассматриваемое ограничение повлияло бы не только на заявителя, или на его сторонников и активистов оппозиции, но на саму суть демократии как средства организации общества, в которой отдельная свобода может быть ограничена только в общих интересах, то есть, во имя «большой свободы», упомянутой в подготовительных материалах (см. пункт 51 выше). Суд считает, что скрытая цель, определенная таким образом, могла бы достичь значительной степени тяжести.

175. С учетом всех вышеупомянутых элементов, и в частности, последовательности и модели событий в настоящем деле (см. пункты 167-68 выше), рассматриваемых в целом, Суд считает установленным вне разумного сомнения, что ограничения, наложенные на заявителя в пятом и шестом эпизодах, преследовали скрытую цель по смыслу статьи 18 Конвенции, а именно, для подавления политического плюрализма, который является частью «эффективной политической демократии», регулируемой «верховенством права», - понятия, на которые ссылается Конвенция (см., с соответствующими изменениями, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Жданок против Латвии*» (*Ždanoka v. Latvia*), жалоба № 58278/00, пункт 98, ECHR 2006-IV, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Карачонь и другие против Венгрии*» (*Karácsony and Others v. Hungary*), жалобы №№ 42461/13 и 44357/13, пункт 147, ECHR 2016 (выдержки)). Как отметил Суд, в частности, в контексте статей 10 и 11, плюрализм, толерантность и широта взглядов являются признаками "демократического общества". Несмотря на то, что интересы отдельных лиц должны иногда подчиняться интересам группы, демократия не означает, что взгляды большинства должны всегда иметь преимущественную силу: должен быть достигнут баланс, который обеспечивает справедливое и надлежащее обращение с представителями меньшинств и исключает злоупотребление доминирующим положением (см., среди других примеров, постановление Европейского Суда от 13 августа 1981 года по делу «*Янг, Джеймс и Уэбстер против Соединенного Королевства*» (*Young, James and Webster v. the United Kingdom*), пункт 63, Серия А № 44; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Горзелик и другие против Польши*» (*Gorzelik and Others v. Poland*), жалоба № 44158/98, пункт 90, ECHR 2004-I; упоминавшееся выше постановление по делу «*Лейла Шахин против Турции*», пункт 108; и упоминавшееся выше постановление по делу «*Карачонь и другие против Венгрии*», пункт 147).

176. Соответственно, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 18 в совокупности со статьей 5 и статьей 11 Конвенции.

VI. VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

177. Заявитель жалуется, что его задержание и содержание под стражей, а также административные обвинения, выдвинутые против него, преследовали цель подрыва его права на свободу собраний, по политическим причинам. Он утверждает, что имело место нарушение статьи 14 Конвенции, которая гласит:

Статья 14

«Реализация прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, должна обеспечиваться без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

178. Палата отметила, что эти жалобы были связаны с жалобами, рассмотренными в соответствии со статьями 5 и 11 Конвенции, и поэтому она признала их приемлемыми. Однако, ссылаясь на свои выводы в соответствии со статьями 5 и 11 Конвенции о том, что задержание заявителя и содержание его под стражей в административном порядке имели целью предотвратить и отбить у него и желание других лиц принимать участие в митингах протеста и оппозиционной политике в нарушение этих положений, Суд счел, что нет необходимости рассматривать, имело ли в настоящем деле место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьями 5 и 11 Конвенции.

179. Большая Палата подтверждает основания Палаты и считает, что эта жалоба не поднимает отдельного вопроса для рассмотрения в дополнение к своим выводам согласно статьям 5 и 11 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЕЙ 41 И 46 КОНВЕНЦИИ

180. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд приходит к заключению, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий данного нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

181. В Статье 46 указано:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами».

2. «Окончательное постановление Суда направляется в Комитет Министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

А. Статья 46:

182. В соответствии со статьей 46 Договаривающиеся Стороны обязались исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами, и Комитет министров осуществляет надзор за их исполнением. Из этого следует, в частности, что постановление, в котором Суд устанавливает нарушение Конвенции

или Протоколов к ней, налагает на государство-ответчик правовое обязательство не только по выплате в пользу соответствующих лиц сумм, присужденных в качестве справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, но также по выбору, под надзором Комитета Министров, общих и/или, при необходимости, индивидуальных мер, которые, по мнению Суда, должны быть предусмотрены в национальном законодательстве с целью положить конец нарушениям, установленным Судом, и исправить, насколько это возможно, их последствия. Именно на соответствующее государство возлагается задача по выбору, под надзором Комитета министров, средств, подлежащих использованию в рамках внутренней правовой системы для выполнения этого обязательства. Однако, в целях оказания помощи государству-ответчику в выполнении этой задачи, Суд может указать тип мер индивидуального и/или общего характера, которые могут быть приняты для того, чтобы положить конец существующей ситуации (см., среди прочих источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Станев против Болгарии*» (*Stanev v. Bulgaria*), жалоба № 36760/06, пункты 254-55, ECHR 2012; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Центр правовых ресурсов от имени Валентина Кымпяну против Румынии*» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpăanu v. Romania*), жалоба № 47848/08, пункт 158, ECHR 2014; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Симеоновы против Болгарии*» (*Simeonovi v. Bulgaria*), жалоба № 21980/04, пункт 149, ECHR 2017 (извлечения)).

183. Суд повторяет, что ранее он устанавливал, что положения Закона о публичных мероприятиях не предусматривают надлежащих и эффективных правовых гарантий против произвольного вмешательства в право на свободу собраний и, следовательно, не отвечают требованиям Конвенции о «качестве закона» (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Лашманкин и другие против России*» (*Lashmankin and Others v. Russia*), пункты 471-78; и постановление Комитета Министров CM/Del/Dec(2018)1318/H46-21, процитированное в пункте 49 выше). Суд в частности указал, что:

«...автоматическое и негибкое применение сроков подачи уведомлений о проведении публичных мероприятий...не принимая в расчет невозможность соблюдения срока из-за... спонтанного характера мероприятия...было неоправданным на основании пункта 2 статьи 11... Разгоном организованных заявителями публичных мероприятий и [их] арестом власти не смогли продемонстрировать необходимый уровень терпимости в отношении мирных, хотя и незаконных, собраний, в нарушение требований пункта 2 статьи 11. С учетом вышеизложенных соображений, Суд считает, что вмешательство в право заявителей на свободу собраний было основано на правовых нормах, которые не

отвечали требованиям Конвенции о «качестве закона» и не являлись «необходимыми в демократическом обществе».

184. До вынесения постановления по делу *Лаиманкина* Суд отметил модель нарушений статьи 11 в российских делах, так как полиция останавливала и задерживала участников безусловно мирных собраний по той лишь причине, что эти собрания не были разрешены как таковые, и официальная незаконность демонстрации являлась основным обоснованием для задержания и административных обвинений (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Каспаров и другие против России*» (№ 2), пункт 30, и дела, упоминаемые в нем).

185. В настоящем деле Суд установил нарушение статьи 11 Конвенции, связав его со структурными несоответствиями нормативно-правовой базы, которая не обеспечила эффективных правовых гарантий против злоупотреблений (см. пункты 118 и 148-51 выше). Это также подтверждается его выводами в соответствии со статьей 18, о том, что органы власти дважды преследовали скрытую цель в ограничении прав заявителя в соответствии со статьями 5 и 11 (см. пункт 175 выше).

186. В связи с этим Суд считает уместным отметить, что такая ситуация в принципе требует принятия мер общего характера государством-ответчиком, которое, под надзором Комитета Министров, по-прежнему имеет свободу выбора средств для исполнения своих правовых обязательств по статье 46 Конвенции, при условии, что такие средства соответствуют выводам, изложенным в постановлении Европейского Суда (см. упоминаемое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Симеоновы против Болгарии*», пункт 151; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Скоццари и Джунта против Италии*» (*Scozzari and Giunta v. Italy*), жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, пункт 249, ECHR 2000-VIII; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Брониовский против Польши*» (*Broniowski v. Poland*), жалоба № 31443/96, пункт 192, ECHR 2004-V). Это дело, в котором Суд считает, что государство-ответчик должно принять соответствующие законодательные и (или) другие меры общего характера с тем, чтобы обеспечить в своем внутригосударственном правовом порядке механизм, требующий, чтобы компетентные органы уделяли должное внимание фундаментальному характеру свободы мирных собраний и демонстрировать соответствующую толерантность по отношению к несанкционированным, но мирным собраниям, вызывая лишь определенные помехи для обычной жизни, не выходящие за пределы уровня незначительных нарушений; уделять должное внимание при ограничении этой свободы законных интересов, таких, как

необходимость предотвращения беспорядков или преступлений и для защиты прав и свобод других лиц, а также обеспечения справедливого равновесия между такими интересами, с одной стороны, и интересами лица при осуществлении своего права на свободу мирных собраний, с другой стороны (см. пункт 148 выше). Кроме того, любое наложение санкций должно требовать особых обоснований (см. пункт 145 выше). Предотвращение аналогичных нарушений в будущем следует рассматривать в соответствующих правовых рамках, в частности, обеспечивая, чтобы национальные правовые документы, относящиеся к ограничениям, и механизмы осуществления права на свободу мирных собраний не являлись скрытым препятствием для свободы мирных собраний, защищаемой статьей 11 Конвенции. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в ходе судебного рассмотрения административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением закона о публичных мероприятиях» (см. пункт 48 выше) подчеркивается необходимость принятия законодательных и/или иных мер общего характера при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях.

В. Статья 41

1. Ущерб

187. Заявитель подал в Палату иск на сумму 121 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 1 025 евро - в качестве компенсации материального ущерба. Власти оспорили требования компенсации морального вреда как необоснованные и чрезмерные, и возражали против присуждения компенсации материального ущерба на том основании, что это было бы равносильно отмене внутригосударственных постановлений.

188. Исходя из принципа справедливости, Палата решила присудить заявителю 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Она также полностью удовлетворила иск о возмещении материального ущерба.

189. В ходе разбирательства в Большой Палате стороны не изменили свои требования по данному пункту. Суд поддерживает постановление Палаты в отношении требований о возмещении ущерба и присуждает заявителю те же суммы, что и Палата: 50 000 евро - в качестве компенсации морального вреда и 1 025 евро - в качестве компенсации материального ущерба.

2. Расходы и издержки

190. В ходе производства в Палате заявитель требовал 1 053 евро в качестве компенсации почтовых расходов, понесенных в Суде в связи с разбирательством по четырем жалобам. Он также потребовал 10 100 и 1 500 евро за его юридическое представительство двумя адвокатами. Власти Российской Федерации возражали на основании того, что возмещение расходов и издержек в данном случае будет равносильно признанию незаконными внутригосударственных решений.

191. Палата отклонила возражение Властей о том, что присуждение компенсации расходов и издержек было бы равносильно отмене внутригосударственных постановлений и присудило затребованные суммы в полном объеме.

192. В ходе разбирательств в Большой Палате Европейского Суда не было никаких поправок к представлениям сторон по данному пункту. Суд не видит причин отклоняться от постановления Палаты и присуждает заявителю 12 653 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек.

С. (С.) Процентная ставка при просрочке платежа

193. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. *отклонил* единогласно возражение Властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении части жалоб, поданных на основании пункта 1 статьи 5 Конвенции;
2. *отклонил* единогласно возражение Властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жалоб, поданных на основании статьи 11 Конвенции;
3. *отклонил* единогласно возражение Властей относительно несоблюдения шестимесячного срока в отношении части жалоб, поданных на основании статьи 18 Конвенции;
4. *постановил* единогласно, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с задержанием заявителя в семи

случаях и его административным задержанием до вынесения судом постановления в двух случаях;

5. *постановил* единогласно, что по настоящему делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении административного производства, касающегося событий 5 марта 2012 года;
6. *постановил* единогласно, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении остальных шести этапов административного производства;
7. *постановил* единогласно об отсутствии необходимости рассматривать оставшуюся часть жалобы в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении вышеупомянутых шести этапов административного производства;
8. *постановил* единогласно, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
10. *постановил*, четырнадцатью голосами против трех, что нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьями 5 и 11 Конвенции допущено не было.
11. *постановил* единогласно, что в данном случае нет необходимости рассматривать жалобу на основании статьи 14 Конвенции;
12. *постановил* единогласно,
  - (а) что в течение трех месяцев государство-ответчик должно выплатить заявителю указанные ниже суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
    - (i) 50 000 (пятьдесят тысяч) евро, включая любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
    - (ii) 1 025 (одна тысяча двадцать пять) евро, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации материального ущерба;
    - (iii) 12 653 (двенадцать тысяч шестьсот пятьдесят три) евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма;
  - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной годовой

процентной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

12. *отклонил* единогласно остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском и французском языках, оглашено на публичном слушании во Дворце прав человека в Страсбурге 15 ноября 2018 года.

Сорен Пребенсен,
Заместитель Секретаря Секции

Гвидо Раймонди
Председатель Палаты.

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагается совместное особое мнение судей Пейхала, Дедова, Раварани, Айка и Пацолаи.

Г.Р.
С.П.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПЕЙХАЛА, ДЕДОВА, РАВАРАНИ, АЙКА И ПАЦОЛАИ¹

ВВЕДЕНИЕ.

1. Некоторые из нас проголосовали против [установления] нарушения статьи 18 на основании того, что доказательства в отношении семи эпизодов, рассматриваемых в настоящем деле (взятые вместе или по отдельности), хотя и достаточны для установления нарушения пункта 1 статьи 5 и статьи 11 соответственно, недостаточны, чтобы удовлетворять двойному тесту, установленному Большой Палатой в ее постановлении от 28 ноября 2017 года по делу «*Мерабишвили против Грузии*» (*Merabishvili v. Georgia*) (жалоба № 72508/13, пункт 309) касательно того, что «цель, предписанная Конвенцией, неизбежно подменялась скрытой целью», и что «скрытая цель... являлась преобладающей»; в настоящем деле скрытая цель состояла в борьбе с политическим плюрализмом, который является неотъемлемой частью любого демократического общества, руководствующегося верховенством права, защищаемым Конвенцией (см. пункт 175 постановления и упоминаемые в нем дела).

2. Другие проголосовали за то, что имеется нарушение этого положения по эпизодам 5 и 6, *inter alia*, в силу причин, описанных в постановлении. Делая такие выводы, некоторые из нас также принимали во внимание тот факт, что, как заметила Палата (постановление, пункт 86), заявитель в действительности не «намеревался проводить шествие 27 октября 2012 года [пятый эпизод] либо публичное собрание напротив суда в полдень 24 февраля 2014 года [шестой эпизод]». Тем не менее в итоге они убедились, что в силу определенных в постановлении причин, эти эпизоды и реакция на них со стороны властей могли считаться, на основании статьи 11 Конвенции, явными аналогами ситуации, рассмотренной в постановлении Европейского Суда от 12 июня 2012 года по делу «*Tatár и Фабер против Венгрии*» (*Tatár and Fáber v. Hungary*), жалобы №№ 26005/08 и 26160/08, пункт 40, что дополнительно способствовало установлению нарушения статьи 18. По этому делу Суд заключил:

«Квалифицируя общение и обмен мнениями....как собрание, власти применили Закон о собраниях, налагающий на организаторов собрания обязанность по уведомлению; при невыполнении этого условия они совершают правонарушение... Подход национальных властей к концепции собрания не

---

1. Судьи Пейхал, Дедов и Пацолаи проголосовали против установления нарушения статьи 18, тогда как судьи Раварани и Айк проголосовали за установление такого нарушения.

соответствует логическому обоснованию правила об уведомлении. В самом деле, применение этого правила к выражению мнения, а не только к собраниям, создало бы предварительное ограничение, несопоставимое со свободным выражением идей, и может негативно сказаться на свободе выражения мнения».

3. Тем не менее, мы едины в твердом убеждении, что статья 18, в том ее толковании Судом, какое было принято после упомянутого выше постановления Большой Палаты по делу *«Мерабишвили против Грузии»*, не является наиболее подходящим инструментом для оценки, на основании обстоятельств настоящего дела, злоупотребляли ли действительно власти своими полномочиями в действиях, предпринятых ими против заявителя. С нашей точки зрения, вопрос был бы более подходящим образом и более эффективно рассмотрен по статье 17.

4. Однако, поскольку жалоба не была коммуницирована (а равно не была и представлена в суде) на основании этого положения и, следовательно, стороны не имели возможности представить свои комментарии в данном отношении, для Суда было бы некорректным рассматривать настоящее дело по статье 17; равным образом для нас сейчас было бы некорректным предугадывать, каков был бы исход дела, если бы оно рассматривалось и оценивалось на основании этого положения.

5. Это, однако, не мешает нам изложить, почему, на наш взгляд, рассмотрение по статье 17 являлось бы более целесообразным подходом к настоящему делу. Осуществляя это, мы признаем, что - по крайней мере насколько нам известно, а также несмотря на четкие термины и историю разработки этого положения - это положение до настоящего времени никогда не применялось в отношении поведения государства, будь то бывшей Комиссией или данным Судом;² в тех редких случаях, когда статья 17 применялась до настоящего времени, это всегда касалось поведения двух заявителей-физических лиц или групп. Соответственно, применимость статьи 17 к поведению государств редко обсуждается в научной литературе, и почти во всех

---

2. В так называемом «греческом» деле захват власти греческими полковниками в 1967 году привел к военной диктатуре и последующему приостановлению действия нескольких конституционных положений. Перед Комиссией, в процессе дачи показаний определенным государствам, греческие власти пытались сослаться на статью 15. Комиссия, в своем докладе на основании (бывшей) статьи 31 Конвенции, тем не менее, отметила, в сущности, что обычных политических волнений, таких как забастовки или политические демонстрации, недостаточно для создания общественной опасности в значении статьи 15, и для контролирования таких волнений достаточно обычных полицейских мер. Она не дошла до ответа на вопрос о применимости статьи 17, потому что уже пришла к выводу о соответствии требованиям статьи 15. Однако г-н Эрмакора в своем особом мнении явным образом сделал вывод о том, что «государство-ответчик занялось деятельностью или совершила действия с целью ограничения прав по Конвенции в большей мере, чем это предусмотрено Конвенцией (статья 17 Конвенции)»: *Постановление Европейского Суда от 5 ноября 1969 года по делу «Дания, Норвегия, Швеция и Нидерланды против Греции» (Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v. Greece)*, жалобы №№ 3321/67, 3322/67, 3323/67, 3344/67.

комментариях опускаются какие бы то ни было ссылки на «государства», с немедленным переходом на злоупотребление правами со стороны частных лиц или групп.

6. Однако формулировка статьи 17 предельно ясная:

«Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо Государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции». (выделено нами)

7. Оставляя в стороне четкое упоминание «государств» в предисловии, трудно увидеть, каким образом запрет на ограничения прав и свобод «в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции», мог бы фактически быть адресован кому-либо иному помимо «государств». С учетом вышеизложенного мы не придерживаемся выраженной некоторыми мысли о том, что статья 17 содержит две отдельные нормы, из которых только вторая («заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции») применяется (или может применяться) в отношении государств. Как проясняет история подготовки проекта статьи 17 и статьи 18, разработчики Конвенции явно имели в виду возможность того, что государство может «заниматься ... деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных» в Конвенции. Вследствие этого, по нашему мнению, ее применение выходит за рамки возможных злоупотреблений со стороны государства ограничениями, позволенными в рамках положений Конвенции, предусматривающих права при условии соответствия лица определенным требованиям и/или возможных злоупотреблений правом государства отступать от некоторых обязательств по Конвенции в периоды насущной необходимости, как предусмотрено статьей 15, и может применяться в отношении любого действия или деятельности государства, «направленных на упразднение прав и свобод, признанных» в Конвенции или протоколах к ней.

8. Следовательно, мы придерживаемся мнения, что статья 17 представляет собой обособленное положение, имеющее собственную область применения, могущее применяться в отношении обстоятельств настоящего дела (I.). Мы также изложим свое мнение о ее взаимоотношении со статьей 18 (II.).

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 17 В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ

9. Статья 17 запрещает злоупотребление правами и в первую очередь применяется Судом как механизм для объявления неприемлемыми жалоб отдельных лиц или групп, которые пытаются воспользоваться гарантированными Конвенцией правами и свободами с целью упразднить или обесценить их.³

10. Вопрос о применимости статьи 17 к государствам, однако, поднимает другой вопрос: разве злоупотребление правами, явно/отдельно запрещенное статьей 17, уже не достаточно предвидится и предотвращается текстом и действием других положений, а именно тех, которые, в отношении каждого предполагаемого вмешательства в право или ограничения права, требуют оценки пропорциональности и не позволяют государствам ограничивать эти права свыше того, что «необходимо в демократическом обществе»? Объем права может, конечно, значительно сократиться, если способ его осуществления зависит от усмотрения государства, и это происходит, чтобы избежать риска (или, по крайней мере, чтобы управлять таким риском), разрешают вмешательство или ограничения только в такой степени, в какой таковые необходимы в демократическом обществе, *inter alia*, в интересах общественной безопасности, общественного порядка, общественного здоровья или общественной морали, либо для защиты прав и свобод других лиц. Существует искушение остановиться здесь и заявить, что уравнивание интересов и обусловливание права на ограничение прав тестом на пропорциональность являются достаточными гарантиями против злоупотребления властью со стороны государства. С одной стороны, можно с равным успехом поинтересоваться, включает ли такой взгляд на вещи все возможные возникнуть гипотезы.

11. Подготовительные работы (*travaux préparatoires*) Конвенции очень ясно демонстрируют, что одной из целей введения статьи 17 являлась защита государств-членов от опасностей захвата власти

---

3. См., например, в отношении ревизионизма, решение Европейского Суда от 24 июня 2003 года по делу «Гароди против Франции» (*Garaudy v. France*), жалоба № 65831/01; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*), жалоба № 27510/08, ECHR 2015 (выдержки), о пропаганде идей тоталитаризма; постановление Европейского Суда от 24 июля 2012 года «Фабер против Венгрии» (*Fáber v. Hungary*), жалоба № 40721/08, о провокационных заявлениях; решение Европейского Суда по делу «Норвуд против Соединенного Королевства» (*Norwood v. the United Kingdom*), жалоба № 23131/03, ECHR 2004-XI, подстрекательство к насильственным действиям; а также решение Европейского Суда от 12 июня 2012 года по делу «Хизб Ут-Тахрир и другие против Германии» (*Hizb Ut-Tahrir and Others v. Germany*), жалоба № 31098/08.

тоталитарными, фашистскими или коммунистическими режимами и санкции против покушений на внутреннюю безопасность государства.

12. Однако это еще не все: в ходе разработки текста Конвенции подчеркивалось, *inter alia*, теми, кто (в то время совсем недавно) имел опыт жизни при тоталитарном режиме, что угрозы правам человека могут также исходить и от самих государств. Представитель Италии г-н Бенвенути объяснил свое предложение включить в Конвенцию положение, формулировки которого были аналогичны формулировкам статьи 30 Всеобщей декларации прав человека,⁴ на том основании, что было *«прежде всего необходимо предотвратить злоупотребления, нарушения в области ограничений со стороны законодательной ветви власти различных стран, которым надо будет применять Конвенцию о правах человека ...»*.⁵ Он продолжал:

«... сегодня мы должны бояться не столько захвата власти тоталитарными силами с применением насилия, сколько того, что тоталитаризм попытается прийти к власти с использованием псевдозаконных способов. Опыт показал, что достаточно создать атмосферу устрашения и террора в рамках одной-единственной выборной кампании в стране, чтобы все законодательные акты, устанавливающие тоталитарный режим, приобрели видимость законности. Именно это и произошло с нами. Например, итальянская конституция никогда не отменялась, все конституционные принципы оставались в теории, но специальные законы, одобренные Палатами, выбранными в ходе одной дезинформирующей кампании, постепенно лишили Конституцию ее сути, в особенности ее сути в отношении свободы».⁶

13. Представитель Франции г-н Тейтген подчеркнул, что «целью международных гарантий должно являться обеспечение того, чтобы ни одно из государств фактически не нарушало гарантируемые свободы посредством принятия незначительных мер, изначально как бы направленных на организацию реализации этих свобод на территории государства или соблюдение буквы закона, но имеющих противоположный эффект».⁷ Он продолжал:

---

4. Статья 30 Всеобщей декларации прав человека, в формулировках, идентичных первой части статьи 17, предусматривает: «Ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано, как предоставление какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации». Фактически, как представляется, первоначальный проект статьи 30 не содержал никаких упоминаний о «государствах», но был намеренно расширен для включения упоминания о «государствах» и «группах», что значительно расширило область ее применения.

5. Европейская Комиссия по правам человека, Подготовительная работа по статье 17 Европейской Конвенции о правах человека, Информационный документ, подготовленный Секретариатом Комиссии, 23 апреля 1957 года (DH (57) 4), стр. 6.

6. Coll. Ed., I, стр. 179.

7. Европейская конвенция о правах человека, Подготовительная работа по статье 17 Европейской конвенции о правах человека. Информационный документ, подготовленный Секретариатом, 5 марта 1975 года, (CDH (75) 7, стр. 5.

«Ограничения свобод, иногда даже ограничение личной свободы, являются законными и необходимыми, чтобы позволить каждому гражданину мирно осуществлять его свободу, а также обеспечить сохранение морали, поддержание общего благосостояния, общего блага и общественных потребностей. Когда государство определяет, организует, регулирует и ограничивает свободы по таким причинам, в интересах и для лучшего страхования общего благополучия, оно только выполняет свои обязанности.

Это допустимо; это законно.

Но когда оно вмешивается, чтобы не допустить и ограничить эти свободы, в этом случае - в интересах государства: защититься в соответствии с политической тенденцией, которую оно представляет, от оппозиции, которую оно считает опасной; упразднить основные свободы, за координацию и гарантию которых оно должно нести ответственность, то такое вмешательство противоречит общественному интересу. Тогда законы, которые оно принимает, противоречат принципу международной гарантии.»⁸

14. Таким образом, с самого начала статья 17 имела целью не только дать возможность государствам принимать меры против угроз для демократического общества, исходящих от групп лиц или лиц, но также (и, возможно, еще в большей степени) не дать государствам скатываться в тоталитаризм.

15. Как указано выше, текст статьи 17 был основан на статье 30 Всеобщей декларации прав человека, одобренной 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН, которая, в свою очередь, также повторяла статью 5 Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.⁹ Толкование, предлагаемое в настоящем Особом мнении, также опирается на взгляды разработчиков обычной статьи 5 двух вышеупомянутых Пактов ООН. Как поясняется в Аннотации к Проекту Международных пактов, подготовленной Генеральным секретарем ООН и прилагаемой к краткому обзору Европейской Комиссии подготовительных работ (*travaux preparatoires*) по статье 17¹⁰:

«Было высказано мнение, что государства вряд ли возьмут на себя обязательства по пакту, а затем попытаются упразднить права или ограничить права в большем объеме, чем предусмотрено пактом, однако предложение удалить упоминание о «государствах» было отклонено. Было отмечено, что государства уже наделены полномочиями ограничивать многие права в силу таких причин, как защита «общественного порядка» или «национальной

---

8. CDH (75) 7, стр. 6.

9. Статья 5 МПГПП предусматривает следующее: «Ничто в настоящем Пакте не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте, или на ограничение их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте».

10. Doc DH(57)4, Приложение II.

безопасности», и что их не следует поощрять на пути дальнейшего ограничения положений пактов»;¹¹

16. По крайней мере в двух решениях Комитет по правам человека ООН подтвердил, что статья 5 МПГПП применяется к действиям государства-члена. Большинство членов Комитета по правам человека при поддержке осуществления юрисдикции в отношении событий, происходящих за пределами территории соответствующего государства, опирались на положения статьи 5. Комитет по правам человека приводил следующий довод: «было бы чрезмерным толковать обязательство по статье 2 [обязательство уважать и обеспечивать защиту прав по МПГПП «всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам»] таким образом, чтобы разрешать Договаривающемуся Государству совершение таких нарушений Пакта на территории другого государства, какие оно не может совершать на своей собственной территории»: «Делия Сальдиас де Лопес против Уругвая» (*Delia Saldias de Lopez v Uruguay*), Comm. № 52/1979, CCPR/C/OP/1 в 88 (1984) в пункте 12.3, а также «Лилиан Селиберти де Касарьего против Уругвая» (*Lilian Celiberti de Casariego v Uruguay*), Comm. № 56/1979, CCPR/C/OP/1 в 92 (1984) в пункте 10.3. В своем Особом мнении по обоим делам г-н Кристиан Томуша описал статью 5 как

«... положение, призванное действовать в тех случаях, когда формально правила на основании Пакта, как представляется, легитимизируют действия, которые по существу противоречат его целям и общему духу».

17. В наши намерения не входит более подробное изложение концепции «злоупотребления должностными полномочиями» или тщательное рассмотрение всех ее аспектов, но в настоящем контексте статья 17 может пониматься как направленная на (и не только на чрезмерные) отдельные ограничения осуществления основополагающих прав, но также и на общую систему ограничений или действий, выходящих за рамки необходимых при демократическом режиме. Это может быть явное или грубое злоупотребление должностными полномочиями, без какой-либо попытки скрыть его; это может быть чрезмерное применение полномочий для ограничения прав, опять же без всякой скрытой цели, однако с (доминирующим) намерением ограничить любую форму выражения личных свобод (слова, собраний и пр.); либо это может быть последовательность инцидентов, которые, взятые каждый по отдельности, могут представляться отдельными и простыми нарушениями конвенционного права, однако взятые в совокупности

---

11. DH (57) 4, Приложение II, Выдержки из проектов пактов о правах человека, подготовленных ООН. Генеральный секретарь, Информационный документ, подготовленный Секретариатом Комиссии, 23 апреля 1957 года, стр. 21, № 58.

указывают на более серьезную проблему систематических нарушений, в конечном счете имеющих целью упразднение прав и свобод, предусмотренных Конвенцией. Именно в этой плоскости и лежит реальное злоупотребление правами или должностными полномочиями: *в системе нарушений*. Такая система может проявляться в различных формах, на всех уровнях осуществления полномочий государства: при слишком строгом и разрушающем свободу законодательстве, при ограничительной административной практике, при которой законодательные нормы применяются с чрезмерной строгостью, либо систематическом судебном преследовании в случаях предполагаемого нарушения правовых или административных правил, ограничивающих права, гарантированные Конвенцией, и применения суровых санкций в случае установления вины.

18. В данном отношении статья 17 выходит далеко за рамки отдельных случаев неприемлемого ограничения отдельных прав и способна (и даже предназначена) решить структурные проблемы, при которых злоупотребление правами продолжается в течение [определенного] периода времени и обнаруживается посредством общей интенсивности ограничений определенного основополагающего права. Различные нарушения, взятые каждое по отдельности - что должно быть всегда санкционировано Судом, будь то и на иных основаниях, - всего лишь отдельные элементы системы злоупотреблений, которая в целом подпадает под область применения статьи 17.

19. С учетом вышесказанного, остается вопрос о том, не лучше ли рассматривать такую систему систематических и грубых нарушений основных свобод на основании статьи 18.

II. ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ СТАТЬЯМИ 17 И 18

20. Статья 18 является отдельным положением Конвенции, которое предусматривает:

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

21. Ясно, что, по крайней мере, на первый взгляд и статья 17, и статья 18, как представляется, предусматривают аналогичные ситуации. В связи с этим возникает вопрос, существовала ли необходимость во включении обеих статей. Иными словами, не имеют ли эти положения различные области применения и/или цели?

22. Отвечая на этот вопрос, интересно отметить, что ни Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 года), ни Европейское движение (февраль и июль 1949 года) не содержали отдельного

положения, соответствующего статье 18 Конвенции. Статья 18 не была включена также и в первый проект Конвенции. Первое упоминание о положении, соответствующем статье 18 в ее настоящем виде, можно найти в документе, подготовленном Конференцией старших должностных лиц по гражданским правам, проходившей в Страсбурге с 8 по 17 июня 1950 года.¹² Не дается объяснений, почему добавление такого положения сочли необходимым или полезным.

23. При этом, как представляется, запрет на злоупотребление властью, в том виде, в каком он выражен в статье 18, происходит из концепции *détournement de pouvoir* во французском административном праве. Эта концепция была впервые использована французским Государственным советом (*Conseil d'État*), который начиная с XIX века занимался рассмотрением намерений автора административного решения и определением, не скрывается ли за завесой видимой законности какая-либо непризнанная цель.

24. В устоявшейся практике Суда (если не явным, то подразумеваемым образом), старающемся придерживаться этих исторических параллелей, не отрицается, что статью 18 применять труднее, нежели статью 17. Наконец, в дополнение к злоупотреблению должностными полномочиями, оно требует доказательств недобросовестности либо скрытых не упоминаемых мотивов в том, что касается применения конкретного ограничения в отношении конкретного определенного права в контексте конкретного инцидента.

25. В этом отношении кажется затруднительным предположить, что статья 18 только устанавливает более формальный способ запрета, уже предусмотренного в статье 17. Фактически, представляется верным обратное: возможно именно статья 18, а не статья 17 носит чрезмерный и ненужный характер. В конце концов, нам кажется ясным, что статья 17 более чем способна быть истолкованной как разрешающая, в контексте ее поиска потенциального злоупотребления правами со стороны государства, однако не обязательно, установление истинных непризнанных мотивов автора конкретного оспариваемого акта.

26. Если злоупотребление властью также, несомненно, представляет собой злоупотребление должностными полномочиями, обратное не обязательно правда. Могут иметься случаи злоупотребления должностными полномочиями, когда власти, принимая отдельные решения, фактически не преследуют скрытую цель. Если оперировать парадигмой теории подмножеств, статья 18 является подмножеством статьи 17. Концепция злоупотребления правами шире, чем концепция злоупотребления властью, что означает,

---

12. Европейская конвенция о правах человека, Подготовительная работа по статье 18 Европейской конвенции о правах человека. Информационный документ, подготовленный Секретариатом, 10 марта 1975 года, (CDH (75) 11), стр. 7.

что определенные акты будут считаться «злоупотребляющими» не потому, что их цель незаконна, а по причине того способа, которым была использована власть.

27. По нашему мнению, это явным образом демонстрируется обсуждением по поводу статьи 8 в вышеупомянутом постановлении Большой Палаты по делу «*Мерабишвили против Грузии*» (*Merabishvili v. Georgia*), пункты 264 et seq. В этом последнем постановлении Суд разъяснил свою устоявшуюся практику и постановил, что в случае множественности целей акта, некоторые из которых являются конвенционными, а некоторые - нет, злоупотребление властью имеет место только тогда, когда преобладала незаконная цель.¹³

28. Несмотря на тот факт, что Большая Палата в своем постановлении по делу *Мерашибивили* (*Merashbivili*) сделала подробный анализ различных аспектов статьи 18, у нас имеются сомнения в успешности ее попыток разработать формулу, которая была бы легко реализуемой в дальнейших ситуациях, где, согласно оценкам, возникает вопрос по статье 18.

29. В настоящем деле не имеется проблемы множественности одновременно поставленных целей, одни из которых законны, а другие - незаконны. Проблема, которую ставит настоящее дело, заключается в последовательности различных эпизодов, которые, согласно оценкам, при их рассмотрении в глобальном масштабе, демонстрируют скрытую цель, а именно пресечение политической оппозиции.

30. Большинство судей Большой Палаты в настоящем деле стремились преодолеть эту дилемму, установив нарушение статьи 18 в отношении двух из семи рассматриваемых эпизодов. Логике этого можно поставить под сомнение: если имеется скрытая цель пресечь действия политической оппозиции, *inter alia*, мешая ей проводить демонстрации, эта цель вряд ли может быть идентифицирована ссылкой на отдельно взятые мероприятия (периодические препятствия в проведении одной или другой отдельной демонстрации) и с наибольшей вероятностью идентифицируется только в течение продолжительного периода посредством рассмотрения вопроса о том, имеется ли система препятствий. Постановление, будучи ориентированным на соблюдение условий теста, лишь недавно установленного в деле *Мерабишвили*, как представляется, по крайней мере косвенно признает, что это так, дополняя свои выводы по применению статьи 18 к эпизодам 5 и 6 словами «принимая во внимание последовательность событий в целом» (пункт 164) или «в частности, последовательности и модели событий в настоящем деле» (пункт 175).

---

13. Там же., пункты 303 et seq.

31. Разумеется, цель настоящего мнения не заключается в том, чтоб высказать подкрепленную доказательствами точку зрения на вопрос о том, имелась ли в течение всего периода, охватывающего семь эпизодов, общая цель предотвратить собрания оппозиции, и были ли эти семь эпизодов только проявлениями этой общей скрытой цели. Это потребовало бы не только значительного отступления от текущего подхода Суда к статье 18, но также и тщательного и подробного рассмотрения любой заявленной общей скрытой цели, противоречащей статье 18, в течение определенного периода времени, - процесса, в котором Большая Палата намеренно и, в свете текущего состояния устоявшейся практики, по понятным причинам, не участвовала.

32. Тем не менее, большинство предпочло не идти по этому пути, и возник вопрос о рассмотрении того, является ли в действительности статья 18 наиболее подходящим положением для оценки злоупотребления должностными полномочиями, заявленного в настоящем деле; и это привело нас к выводу о том, что нет.

ВЫВОД

33. В свете вышеизложенного, по нашему мнению, если бы дело было представлено таким образом, рассмотрение обстоятельств настоящего дела на основании статьи 17 позволило бы Суду оценить, является ли ряд отдельных эпизодов, рассматриваемых в постановлении, взятых в их совокупности, доказательством отдельных проявлений системы, которая с использованием законной процедуры в незаконных целях стремится посредством законодательных, административных и/или судебных средств ограничить демократические права заявителя таким образом, который в основном противоречит цели и общему духу Конвенции и предназначен для неоправданного ограничения этих прав; и он должен сделать это без (а) применения узконаправленного подхода к (административным) органам власти, участвующим в отдельном рассматриваемом инциденте, и (б) разрешения трудного вопроса о том, преследовали ли эти органы власти скрытую цель при реагировании на каждый отдельный случай, когда заявитель пытался осуществить свое основополагающее право на свободу собраний.

ПРИЛОЖЕНИЕ**Список жалоб**

1. 29580/12 – «Навальный против России»
2. 36847/12 – «Навальный против России»
3. 11252/13 – «Навальный против России»
4. 12317/13 – «Навальный против России»
5. 43746/14 – «Навальный против России»